

БИВУАКЪ ПРИ АУЛѢ ХУРУНХАБЛЬ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА КАВКАЗЦА 25 ЯНВАРЯ 1852 ГОДА.

(Посвящено Г. В. Ступину.)

Смерклося, когда отрядъ подходилъ къ аулу Хурунхабль. Вынавшій снѣгъ затруднялъ движеніе отряда, а большой переходъ, сдѣланный въ этотъ день, утомилъ не только пѣшихъ, но и конныхъ.

Аулъ Хурунхабль лежитъ въ плодородной равнинѣ, живописно пересѣченной небольшими оврагами, лѣсомъ и кустарникомъ; рѣка омывала его съ трехъ сторонъ. Постройка показывала, что это одинъ изъ лучшихъ и богатыхъ ауловъ; еще издали виднѣлись огромные запасы немолоченнаго хлѣба, скирды сѣна и соломы. Горцы, успѣшно покинувшіе аулы, заботились только о спасеніи своихъ семействъ и дорогихъ вещей; остальное имущество было брошено ими на произволь. Непріятель не защищалъ аула; отрядъ вошелъ безъ выстрѣла и началъ располагаться на ночлегъ. Въ цѣпяхъ продолжалась еще горячая перестрѣлка.

Солдаты, наскоро составивъ ружья, разбрелись по аулу, шарили по саклямъ, въ надеждѣ какой либо добычи. Суматоха была общая. Размѣщали обозъ. Нестройная команда деньщиковъ шумѣла и бранилась; въ иныхъ мѣстахъ не обошлось дѣло и безъ драки... Разводится огонь, и вся домашняя горская утварь,

даже цѣлыя арбы (телѣги) взваливаются на костры. Вѣстовые и деньщики бѣгаютъ съ самоварами. Взадъ и впередъ длинными вереницами смуютъ солдаты, козакки и люди неопредѣленнаго званія, навьюченные разными разностями. На крышахъ сакель появились солдаты и растаскиваютъ камышъ или солому, въ надеждѣ найти въ ней какую либо поживу. Но вотъ горитъ сакля: ее охватываетъ пламя; слышится радостный хохотъ при видѣ испуганныхъ солдатъ, находящихся на крышѣ. Тамъ, вдали, у какой-то подозрительной кучи, человѣкъ двадцать усердно роются, внимательно рассматривая каждую бездѣлушку, предполагая найти въ ней золото. Печально мычить захваченный у горцевъ скотъ, заживо раздираемый на части; кудахтанье перепуганныхъ птицъ раздается повсюду. Толпа въ тридцать и болѣе человѣкъ гонится за одной курицей, курица на крышѣ.... на деревѣ.... выстрѣлъ, упала.... споръ за курицу, а на деревѣ кричитъ испуганный солдатъ и крикомъ возбуждаетъ смѣхъ. Костры болѣе и болѣе увеличиваются. Составились кружки и громко раздается русская разгульная пѣсня. У маркитантской телѣги давка.

Наступила ночь. Зарево отъ пылающихъ жилищъ и костровъ охватило горизонтъ неба; то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ, на крышахъ, среди пламени, на нѣсколько секундъ появлялась фигура человѣка и какъ видѣніе исчезала въ дыму. На широкой площадкѣ, громадные костры бивачныхъ огней бросали какой-то особенный свѣтъ и придавали оригинальность всему окружающему. Неясный, но шумный и веселый говоръ, стукъ топоровъ, ржаніе лошадей, оклики часовыхъ, споры у маркитантскихъ телѣгъ, гдѣ, какъ блуждающіе огоньки, мерцаютъ нѣсколько разноцвѣтныхъ фонарей и указываютъ путь всякому православному, желающему вкусить живительной влаги, пѣсни, раздающіяся со всѣхъ концовъ, переѣзжаясь съ ружейной пальбой въ цѣпи и рѣзкими, отдаленными гиками горцевъ, барабанами, кларнетами и т. д., увеличиваютъ эту оригинальность. При настоящемъ волшебномъ освѣщеніи, все это кажется хорошо, чудно и страшно.

Вдали отъ огней, въ полутуманномъ освѣщеніи, все кажется иначе. Что-то неясное, темное рисуется въ умѣ наблюдателя. Блуждающіе солдаты представляются тѣнями, окутанными въ черныя мантии. Когда же попристальнѣе взглядишься въ это неясное, темное, завидишь мохнатая шапки, скрещенныя пики,

ряды ярко-блестящей стали штыковъ, между которыми еще грознѣе и мрачнѣе кажутся тѣни орудій, обращенныхъ страшными жерлами въ непріятельскую сторону и ежеминутно готовыхъ извергать смерть и разрушеніе,—тогда этотъ нестройно-разнообразно расположенный бивуакомъ отрядъ, въ составъ котораго входятъ регулярныя войска, представляетъ въ странномъ видѣ лагерь стройнаго войска.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ длиннаго ряда солдатскихъ огней, вокругъ небольшого костра, сидѣли офицеры на разостланныхъ буркахъ, разставлены были походныя принадлежности, во главѣ которыхъ была фляга 105° спирта. Фляга со спиртомъ горделиво красовалась на *погребчикъ*, занимая почетное мѣсто среди незатѣйливой закуски. Водка, неизбѣжная принадлежность въ походѣ, на Кавказѣ, пользуется особымъ почетомъ, вѣроятно потому, что при всѣхъ торжествахъ и на пирахъ она открываетъ шестіе остальнаго поѣзда. Нѣсколько сухариковъ подобоострастно окружаютъ флягу; вся же прочая закуска, не болѣе, какъ необходимая обстановка, разбрасывается въ беспорядкѣ.

Возвратился деньщикъ, бѣгавшій къ маркитанту *за осялкой осялкой*. Замѣтивъ, что чайникъ кипитъ, деньщикъ упалъ на колѣни и поползъ по буркѣ между офицерами къ погребчику доставать чайницу и чайный приборъ. Насыпавъ, *на глазъ*, на руку чаю, онъ вбросилъ его въ большой мѣдный чайникъ и снова поставилъ на огонь. Почти каждый изъ деньщиковъ убѣжденъ, что когда чай закипитъ вторично, то бываетъ вкуснѣе, тѣмъ болѣе, если онъ приготовленъ на водѣ, которою весь отрядъ поитъ лошадей и быковъ.

Въ эту минуту близъ меня раздался голосъ :

— Гляди, гляди, вѣдь это нашей роты раненаго несутъ...

Подойдя къ носилкамъ, я узналъ въ раненомъ стрѣлка нашей роты.

— А гдѣ штабъ-лекаръ? спросилъ одинъ изъ рядовыхъ.

— Да Богъ его вѣдаетъ!

— Несите туда, къ ставкѣ отряднаго, сказалъ другой:— тамъ онъ давеча ходилъ. Авось найдете....

— Куда тебя угораздило? спросилъ у раненаго одинъ изъ товарищей.

— Въ правую ногу, повыше колѣна.... простоналъ раненый.

— Экъ, проклятая! замѣтили нѣсколько подошедшихъ солдатъ.

— Въ такую темень, а и то ранило. Видно, близко было? спросилъ одинъ изъ товарищей раненаго.

— Близко, очинно близко, слабымъ голосомъ отвѣчалъ больной.

Подняли носилки. Потревоженный раненый еще разъ простоналъ, и его понесли по отряду разыскивать медика.

«Грустно», подумалъ я: «долго придется носить бѣднягу», и отошелъ въ сторону.

Вдругъ раздался выстрѣлъ: граната полетѣла, и десятки разъ эхо повторило гулъ выстрѣла, унося его по оврагамъ все дальше и дальше. Одновременно съ выстрѣломъ взвилась ракета и, высоко поднявшись, описавъ огненную полосу въ пространство, лопнула и разсыпалась звѣздочками. Загремѣли барабаны, заиграли трубы, и шумъ и крикъ людей, мычаніе скота, вой и лай собакъ,—все это слилось въ одно нескладное.... Но вдругъ все стихло. Весь отрядъ замеръ, окаменѣлъ, весь на ногахъ, но безъ словъ, со снятыми панахами, читаетъ вечернюю молитву... Торжественная минута!... Забыто все.... и нѣсколько тысячъ человѣкъ своею мыслию слились воедино, и мысль эта была—мольба къ престолу Предвѣчнаго.

Пробита зоря, окончена молитва, и опять пѣсни, говоръ и шумъ.

— Водку пить! закричалъ фельдфебель.

И смолкла пѣсня, прерываются начатые рассказы и бѣгутъ солдаты къ каптенармусу. Какая поднялась толкотня! Каждый спѣшитъ выпить скорѣе чару *жизнительной*, хотя и разведенной мутной, сырой водой, и разведенной не всегда добросовѣстно какъ каптенармусомъ, такъ и заступающимъ его мѣсто артельщикомъ.

Выпита водка. Въ рассыпную бѣгутъ солдаты на кухню. Въ походные котелки набираютъ кашицы и снова возвращаются къ своимъ кострамъ и козламъ, вытаскиваютъ торбочки; вынувъ сухари и соль, съ большимъ аппетитомъ принимаются за ужинъ.

Каша съѣдена.

— Становись къ расчету! раздается опять голосъ фельдфебеля.

Разбираются ружья, рота дѣлится на три сѣсны: въ цѣпь, секретъ и резервъ,—и пошли солдаты на указанные мѣста.

Возвратилась дневная цѣпь въ колонну; люди пьютъ водку, ѣдятъ кашу,—и думается: вотъ лягутъ спать и наконецъ—то хотъ.

нежного отдохнуть послѣ усиленнаго перехода. Ничуть не бывало: солдатъ не знаетъ усталости; тутъ идутъ рассказы, прерываемые смѣхомъ и остротами; тамъ пѣсни, и, среди пѣсенниковъ, съ погремушками въ рукахъ, выплясываетъ удалой запывало. Удивительно! право, удивительно!...

Офицеры, съ трубками и папиросами, усѣвшись вокругъ огня, разсуждаютъ о приключеніяхъ прошедшаго дня; а ближе ко мнѣ, тоже у костра, человекъ десять играютъ въ штосъ. У нихъ на одномъ барабанѣ лежатъ карты, бумага, карандашъ и нѣсколько рублей серебромъ, а на другомъ—спиртъ и закуска, принадлежность, безъ которой трудно рѣшиться играть въ штосъ. Офицеръ, довольно плотный и краснощекій, мечетъ банкъ. Изрѣдка мертвая тишина прерывается громкими возгласами: «тузъ по десяти очко, на смарку, четыре съ боку», и т. д. Проходятъ офицеры, засматриваютъ, рассчитываютъ, ставятъ карты, выигрываютъ и проигрываютъ; иные уходятъ и опять возвращаются. Молодой офицеръ проситъ позволенія отыгратъ—банкометъ отказалъ. Блѣдный офицеръ, съ подвязанною рукою, попросилъ позволенія играть до жалованья—позволено.... Играетъ—проигралъ, выбранилъ банкмета, отошелъ прочь, повалился на бурку; но, навѣрное, сонъ былъ далеко отъ него.

Молодые офицеры поютъ: «Ты не пой, соловей, подъ мои окномъ». Полковой адъютантъ подпѣваетъ вполголоса, но по временамъ, приходя въ восторгъ, водить головой и руками, усиливаясь попасть въ тактъ пѣсни.

Удовлетворивъ первымъ потребностямъ голода и усталости, я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи погулять по бивуаку отряда: поглядѣть на него и прислушаться къ интересному говору въ различныхъ кружкахъ.

Что ни шагъ впередъ, все болѣе и болѣе разнообразятся картины.

Подошелъ я къ бивуаку черноморскихъ козаковъ. Живописная группа усатыхъ потомковъ Запорожья привлекла мое исключительное вниманіе. Я подошелъ поближе, чтобы глубже всмотрѣться въ лица удалцовъ, на которыхъ отчетливо запечатлѣна привычка къ перенесенію боевыхъ трудовъ и всякаго рода тревогъ. И какъ хороша была эта неискусственно сгруппированная картина! Около пятнадцати черноморцевъ, въ различнаго рода, совершенно свободныхъ позахъ, сидѣли или лежали въ кругъ громаднаго костра; большая часть козаковъ

сидѣли на короточкахъ и курили изъ коротенькихъ трубочекъ, другіе помѣшивали что-то въ котелкахъ, поставленныхъ на жаръ. Черноморцы съ напряженнымъ вниманіемъ слушали разсказъ молодаго козака—пластуна (*):

...«— Возвратившись вечеромъ съ работы, говорилъ пластунъ: — на дворѣ были сумерки — мы цѣлою семьей сѣли ужинать. Поѣли борщу. Постучался кто-то въ избу. Отворили. Вошелъ десятичкій и объявилъ, что велѣно отъ начальства собираться на кордонную линію. Кубань стала, и Черкесы, которыми ничто не мѣшало, начали нападать на хутора, на станицы, скотъ и имущество забирали, хватали даже людей...

«Отецъ мой былъ сильно боленъ. Отъ словъ десятичкаго у меня порядкомъ защемило у сердца. Мнѣ приходилось оставлять больного отца, старуху—мать, двухъ сестеръ и жену, съ которой не жилъ я году. Но дѣлать нечего: надо-тъ, такъ надо—скрѣпя сердце, я, обернувшись къ десятичкому, спросилъ :

— «А когда же, дядюшка, идти намъ надо?»

— «Завтра безпремѣнно, отвѣчалъ онъ:—крѣпко наказывалъ атаманъ, чтобы, говорить, завтра утромъ уже козаки нашей станицы всѣ собрались въ правленіе, а я, говорить, скажу, куда имъ направляться.

— Ладно. Когда приказано завтра, такъ завтра утромъ Петро будетъ въ правленіи, отвѣчалъ мой батько.

«Десячкій ушелъ; а мнѣ становилось не подъ силу, что такъ скоро придется покинуть семью родную. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, думалъ я, какъ отпустили меня послѣ двухъ лѣтъ на льготу, а уже опять требуютъ. Долго нажился—хороша льгота! Вотъ отчего и хозяйство все такъ скоро пропадаетъ. Бѣда, ей-Богу, бѣда съ такой жизнью. И понурилъ я голову.

— «Чого жъ такъ засумовавъ, Петро? Молись Богу да лягай спать. Чи сежъ впервые, ще не разъ и не такъ прійдется.

«Помолились, уложились спать; да что за спанье, когда у тебя думки голову ворочаютъ, когда знаешь, что завтра выйдешь изъ дому и Богъ знаетъ когда возвратишься... да и возвратишься ли?»

«Жена тихо плакала, чтобы не тревожить больного отца, который разболѣлся такъ, что стоналъ на всю хату. Не до сна было. Плакать и мнѣ хотѣлось, однако выдержалъ, закрылъ

(*) Имена и фамиліи дѣйствующихъ лицъ сохранены настоящія, такъ какъ лица эти не выдуманы; нѣкоторые живутъ и до сихъ поръ.

глаза и лежу. Жена припала ко мнѣ и цѣлуетъ—еще больше и жалче стало разставаться съ домомъ....

«Нѣтъ, думалъ я, козаку уже совсѣмъ не приходится жениться. Чтѣ за жите, когда нельзя и пожить какъ слѣдуетъ! Ужь, право, лучше бы и бабъ не было, какъ у дѣдовъ нашихъ: тогда бы и зналъ, что вольная птаха, и не горѣвалъ бы....

«Утромъ встали. Я пошелъ въ станицу; а мы съ версту отъ нея на хуторѣ жили. Пришелъ въ станичное правленіе, а тамъ уже человекъ двадцать братьевъ (козаковъ) сошлись и сумуютъ (горюють) о походѣ на кордонную линію.

«Вошелъ станичный атаманъ.

— Ну, брати, сказалъ онъ: — получивъ я повѣстку, щобъ собрать васъ и отправить до Екатеринодару и чтобъ якъ можно поспѣшали, а то, кажутъ, тамъ на линіи ни якого спокою не дае проклята Черкесня. Такъ рушайте, брати, чтобъ до вечера ви були въ Екатеринодари.

— Слушаемъ, батьку: пйдемъ, сказали козаки.

«— Ну, прощайте, счастливой дороги, помогай Бигъ!

«Разошлись мы. Вернулся я домой и сталъ собираться, да какъ погляжу, погляжу кругомъ, такъ-такъ морозъ по кожѣ и подереть.

«Собрался. Батько перекрестилъ, мати заплакала, кинулась на шею, а съ другой стороны жинка повисла: такъ мнѣ жалко было, словно на смерть шелъ.

«Попрощались. Взваливъ торбочку на плечи, насунувъ папаху на очи, пошелъ я не оглядаючи къ пріятелю Роману: мы съ нимъ сговорились идти вмѣстѣ. Прошелъ съ полверсты—не выдержалъ: оглянулся назадъ; а мати и жинка стоятъ и смотрять за мною въ слѣдъ. Эхъ, жалко стало!...

«Пришелъ къ Роману, да и говорю: Готовься. Пойдемъ скорѣе.

— Ходимъ, брате Петре! Я вже совсимъ злагодився.

«Пошли. Ну, дорогою нагнали другихъ козаковъ; да все скучно. Ну, и другіе — тоже: кто, какъ и я, пооставляли батька, и матурь, и жинку, такъ не слишкѣмъ-то весело будетъ; а у иншаго чи мала семья на рукахъ, на его худоби держится; маленьки дитки; а теперь, теперь Богъ его зна, що буде. Можетъ быть, ту же ночь набѣгутъ Черкесы и вырѣжутъ или заберутъ въ плѣнъ всѣхъ. Розно думалось; да нечѣмъ пособить было, Уже, видно, такъ козаку на роду написано....

«Сумовали, сумовали, а все таки до Екатеринодара поздно вечеромъ пришли; явились къ начальству. Съ разсвѣтомъ разошлись насъ по постахъ.

«Правда, опаски много было, такъ что каждый часъ ожидали: вотъ, думали, пропрется проклятая Черкесня.

«На кордонѣ, съ первой же ночи, мнѣ пришлось порядкомъ понабродиться и начухаться.

«Дней черезъ десять пришелъ лазутчикъ въ кордонъ. Балакали (*), что Черкесы на кордонъ нападать будутъ. Эсаулъ, начальникъ кордона, приказаніе отдалъ, какъ можно строже смотрѣть въ ночное время; да оно и напрасно было: и такъ всегда досмотръ за проклятыми идетъ самый хозяйственный.

«Ожидали, что ночью нападать будутъ; а оно вышло совсѣмъ не такъ. Передъ обѣдомъ прискакалъ козакъ и отдалъ пакетъ эсаулу. Позвали урядника; приказано готовиться къ набѣгу. Изъ нашего кордона приходилось двадцать человѣкъ, да пластуновъ тоже человѣкъ десять, и чтобы къ вечеру уже намъ быть у Александровскаго кордона.

«Наскоро пообѣдавши, мы отправились. Пришли къ кордону, когда совсѣмъ уже стемнѣло. Козаковъ собралось у кордона *чи мало* и четыре пушки стояло. Не было мѣста въ казармахъ: намъ пришлось на дворѣ ожидать. Холодно было, крѣпко холодно, и народу въ казармахъ такъ набилось, что и погрѣться бы хотѣлъ; да мѣста нѣтъ и иголкой кольнуть некуда. Огня разводитъ не приказано, чтобы Черкесы не узнали, что начальство наше поведетъ насъ въ горы; такъ до выступленія мы таки порядкомъ намерзлись.

«Въ полночь, по приказанію, собрались побаталіонно и повели насъ. Перешли Кубань и повернули влѣво, не дорогою, а такъ, черезъ *плавни* (**). Что уже хлопотъ-то набрались мы! просто бѣда: *копяки* (***) такіе, что и днемъ ногу выломаешь, не только въ такую *темять*, какъ мы пробирались. Намъ, пластунамъ, все еще ничего, не привыкать стать; хотя я и молодой еще, а все-таки разъ двадцать въ такія же ночи приходилось ходить. Ну, а конница и артиллерія наплакались.

«Идемъ да идемъ... какъ можно, тише приказано. Ну, нашъ братъ шуму не надѣлаетъ; а уже пушка не вбережется, щобъ не

(*) Говорили, рассказывали.

(**) Болото, покрытое камышомъ, и на немъ топя.

(***) Кочки, остающіяся послѣ того какъ вода, по разлитіи, высохнетъ.

грохнуть, або коняка щобъ не споткнуться, не фыркнуть, а инша и зарже: звѣстно, скотина не разуміе, що треба тихо.

— Въ пластуновъ бы повчилася, замѣтилъ одинъ изъ слушающихъ.

«Подошли мы къ аулу, продолжалъ рассказчикъ. Отрядъ остановился версты за три, а насъ четырехъ командировали впередъ, чтобы осмотрѣть, нѣтъ ли черкесскихъ бекетовъ и можно ли пройти подъ самой аулъ всему отряду.

«Пошли мы и не болѣе, какъ версты полторы прошли, замѣтили, что среди густыхъ кустарниковъ что-то блеснито.

— «Это, братъ, огонекъ, сказалъ урядникъ Строкачъ:—вы всѣ знаете его: это тотъ, что на кабанивъ ходитъ, а Черкесивъ ловить.

— Знаемъ, знаемъ! закричало нѣсколько голосовъ, а одинъ старикъ сказалъ:

— Когда Петро кончить, такъ и я расскажу про его гисторію.

— Добре, добре, дяду! подхватили всѣ хоромъ.

— «Ну, продолжалъ Петро:—какъ только, знаете, сказалъ нашъ урядникъ, что это огонекъ, то мы сейчасъ и начали совѣтоваться, какъ бы намъ лучше подойти, чтобы на случай Черкесня разложилась съ богатьемъ (съ огнемъ), такъ щобъ не выпустить изъ рукъ.

«— Слушайте, лишень хлопцы, шопотомъ говорилъ урядникъ: — отцей бекетъ безприминно намъ треба вничтожить; а то не намъ, не отряду нельзя пройти безъ опаски. Отъ ище трохи треба подойти, а потимъ якъ полизимъ, то я дамъ повістку по *шекалчому* (*), тогда съ разу кинемся и подавимъ ихъ.

— «Добре, такъ и зробимъ, сказали мы.

— «Ну, такъ рушаймо жъ, хлопцы; а то вже не рано.

«Лѣсъ былъ очень густой и копяковъ пропасть такая, что непривычный челоуѣкъ непремѣнно бы голову разбилъ. Маленькій вѣтерокъ дулъ, и потому не такъ было слышно нашу походку. Чѣмъ дальше шли мы, тѣмъ тише и тише становилась нога на сучья и копяки; а уже шаговъ за двѣсти отъ огня мы поползли. Когда оставалось шаговъ семьдесятъ до черкесскаго бекета, урядникъ *тискнулъ*. Мы остановились, а онъ поползъ дальше.

«Мы могли разсмотрѣть, что дѣлалось у черкесскаго огня.

(*) Пластуны подаютъ другъ другу сигналы, подражая птицамъ и звѣрямъ, чѣмъ легко обманываютъ горцевъ.

«Костеръ догоралъ. Подлѣ него сидѣли четыре Черкеса, пятый ходилъ на часахъ. Два, должно быть, что-то варили, а трое рассказывали, и къ намъ долетали ихъ голоса.

«И четверти часа не прошло, какъ урядникъ полѣзъ осматривать иѣстность, а погода совсѣмъ переиѣнилась: поднялся сильный вѣтеръ, нагнало тучи,—громъ якъ громне да блискавку якъ выпустить, такъ вона изъ темной ночи день робила. Вѣтеръ такой разыгрался—такъ, казалось, и вырветъ съ корнями лѣсъ и унесетъ его Богъ знаетъ куда. Мы положили, что полететь же дожище препорядочный, чего намъ только и надо было.

«Черкесскій огонекъ отъ вѣтру разгорался сильнѣе, а самые Черкесы, закутавшись въ бурки и набросивши башлыками папачи, громко кричали: «Алла, Алла!»

«— Долго что-то нѣтъ урядника, сказалъ Хома Безвредный.

«— А что, боишься, чтобъ безъ него тебя не забрали?

«— Да нѣтъ, а я думаю уже далеко за полночь, а вѣдь еще до свѣта надо успѣть отрядъ провести.

«— Смотри да поглядывай хорошенько, когда Черкесы лягутъ спать, такъ онъ вернется и скажетъ, что дѣлать.

«Немного погодя, слышимъ, что-то тихо треснуло и приостановилось.

«— Псѣ... пискнулъ тихо я.

«Урядникъ отозвался (это былъ онъ) и подползъ къ намъ.

«Онъ началъ отдавать приказанія, но только такъ тихо, что и шелестъ засохшихъ листьевъ и его приказанія совсѣмъ не различались.

«— Ты, Петро, шепталъ онъ:—пожвавѣе, такъ кинешься на часоваго, да и положи его отъ разу, а потомъ намъ помогай; ты, Хома, на того, что подлѣ огня лежить; а мы съ тобою, Герасимъ, должны управиться съ остальными, покуда хлопцы будутъ возиться съ тѣми. Глядите же, чтобы даромъ времени не терять и никакого шуму не дѣлать. Съ Богомъ!...

«Вытянулъ я изъ ноженъ кинжалъ... полѣзли... Вотъ лѣзу и уже близко. Голова такъ и трещить, сердце, кажется, выпрыгнетъ, сильно билось и морозъ по кожею пробѣгаетъ; шаговъ на пять подползъ, смотрю на часоваго, а онъ такой здоровенный, что хотя бѣ и огня не было, такъ и въ темной хатѣ видно бѣ было.

«Онъ тоже сталъ смотрѣть въ нашу сторону, а и не замѣчаетъ того, что сзади его на сонныхъ товарищей крадутся пластуны.

Я, сидя за дубомъ, глядѣлъ на огонекъ и вижу, лѣзутъ братья уже очень близко.

«Я тогда еще перебрался ближе на одно дерево да разомъ какъ кинусь на часоваго, такъ онъ, не спамятовавшись, и гвинтовку изъ рукъ выпустилъ; а я, обхвативши его по пріятельски лѣвой рукой, въ ту же минуту правой всадилъ кинжалъ прямо въ сердце по самую рукоятку... И не пискнулъ бѣдняга. Чтобы не надѣлать шуму, я осторожно опустилъ его на землю, а для вѣрности, чтобъ не обманулъ, еще наскоро ткнулъ ему кинжаломъ въ бокъ. Но, видно, хорошо пришлось и отъ перваго раза: *ни друнулъ*.

«Покончивъ дѣло съ часовымъ, я мигомъ подскочилъ къ одному изъ спящихъ и всадилъ ему кинжалъ между плечъ: заревѣлъ проклятый такъ, что аулъ и лѣсъ дрогнули. Урядникъ, дядько Герасимъ и Хома Безвредный возились съ схватившимися Черкесами. Только что я, вынувши кинжалъ, хотѣлъ ударить имъ еще разъ, какъ Черкесъ съ силою поворотился подо мною, и я, не ожидая такой штуки, полетѣлъ назадъ и очутился подъ гаспедскимъ Черкесиномъ, который надавилъ меня съ такою силою, что мнѣ небо съ овчинку показалось, и я думалъ, вотъ когда пришелъ конецъ мой. Кровь изъ Черкеса лилась мнѣ въ лицо, руки мои какъ-то запутались подъ буркой, и, несмотря на всѣ усилія, я не могъ свалить его съ себя. Вдругъ рука Черкеса поднялась, и передъ глазами моими сверкнулъ кинжалъ. Сердце замерло... Встрепенулся я, и Черкесъ въ одинъ мигъ лежалъ подо мною; колѣномъ нажавъ на руку съ кинжаломъ, я старался только продержатъ немного, чтобы получить помощь со стороны моихъ товарищей, а то видѣлъ я, что здоровъ, проклятый: не управляюсь.

«Ни съ того, ни съ еего кинжалъ выпалъ у него изъ руки, и вскрикнулъ мой Черкесъ, потянулся да и глаза закрылъ, и не борется. Видно, рана не легка была. Замѣтивши, что не дышетъ онъ, я осмотрѣлся кругомъ и увидѣлъ, что дядѣ Герасиму не повезло, какъ и прочимъ товарищамъ: все возлиось.

«Опрометью кинулся я, но не успѣлъ: кинжалъ проклятаго нечестивца два раза погрузился въ тѣло дядьки. Еще разъ хотѣлъ Черкесъ ударить дядьку; такъ нѣтъ, не довелось: я такъ дернулъ его, что онъ вскрикнулъ, кинжалъ выпустилъ и ужъ больше не вставалъ. Только что хотѣлъ я подать помощь другимъ, какъ уже дѣло кончено было. Герасимъ лежалъ. Мы къ

нему, а ужь онъ и не дышетъ, бѣдняга: Богу душу отдалъ. Плакать некогда было; а заплакалъ бы—крѣпко жалко: славный былъ пластунъ. А тоже, и живка была, и дѣтки сиротами остались...

«Обобрали мы убитыхъ Черкесовъ, а одного такъ урядникъ умудрился и живаго забрать. А чтобъ, въ случаѣ прійдетъ смѣна, свой слѣдъ не открыть, мы тѣла затащили въ кустарникъ, огонь подложили и кровь затоптали, какъ будто бекетъ черкесскій въ обходъ пошелъ. Дядьку Герасима тоже въ примѣтномъ куствѣ схоронили, а подлѣ него положили связаннаго живаго Черкеса; ему и ротъ завязали.

«Пошли дальше въ аулъ, разузнали, куда и какъ дорога лежить; назадъ возвращаясь, зашли, забрали тѣло покойнаго дядьки Герасима и живаго Черкеса повели въ отрядъ.

«Провели отрядъ мы въ аулъ такъ, что и собака не одна не залаяла; обложили кругомъ и до разсвѣта пролежали подъ плетнями.

«Какъ только разсвѣло, бросились въ середину. Черкесы, совсѣмъ перепуганные, выскочили. Кто изъ нихъ успѣлъ захватить оружіе, тотъ дрался до смерти; живыхъ мало довелось взять намъ, даже бабы—и тѣ на штыки налѣзали. Однакожь, воловъ, лошадей и другой скотины взяли довольно и человекъ съ десять плѣнныхъ понабралось.

«У насъ тоже раненыхъ человекъ съ двадцать было. Подожгли аулъ со всѣми запасами и пошли въ обратную.

— «Лучше бы и не вспоминать... бѣда какъ горько становится на сердцѣ, когда вспомняешь объ этомъ времени!

«И пластунъ заплакалъ.

— «Чого жъ не плачешь, якъ мала дитина, отозвался сѣдовласый пластунъ, съ выраженіемъ самаго сердечнаго участія:— що вже було, то все по воли Божои: такъ чого жъ разрумсявся? Може ще й не то буде. Сказано: всі мы люде, подъ Богомъ живемъ.

— «Добре, диду, вамъ разказувать, а мени якъ було... Не знаю, что же можетъ быть страшнѣе—видѣть почти всю семью свою перерѣзанную. Я вотъ разкажу:

«Только что возвратились изъ отряда, такъ на третій или на четвертый день стала такая оттепель, что Кубань начала ломаться, а чрезъ недѣлю уже совсѣмъ ледъ потрошило.

«Такъ какъ опаски никакой не было, то насъ и распустили по домамъ.

«Я не шелъ, а бѣжалъ домой, съ пріятелемъ моимъ Романомъ,

да не въ пору: добѣжали бы немного раньше, совсѣмъ бы не то было.

«Передъ разсвѣтомъ доходилъ я съ Романомъ къ своему хутору и все подгонялъ его идти скорѣе, какъ будто бы мнѣ сердце вѣсть подавало, что дома плохо. А когда въ знакомомъ окнѣ блеснулъ огонекъ, забилося у меня сердце; удвоилъ я шаги, а за мной и Романъ побѣжалъ. Побѣжалъ я къ избѣ, слышу крикъ, потомъ выстрѣлъ, и тихо все стало. Сердце перестало биться, вдругъ охватило меня всего жаромъ и сколько силы достало, побѣжалъ... вскочилъ въ избу... Только въ дверь... Не дай Богъ что увидѣлъ я! въ глазахъ потемнѣло, голова закружилась, чуть не упалъ. Но вмигъ все прошло, когда осмотрѣлся и завидѣлъ четырехъ Черкесъ, съ кинжалами въ рукахъ, заставлявшихъ несчастную мою мать указать, гдѣ лежатъ деньги. Отецъ!... отецъ мой плавалъ въ крови!.. Связанная жена лежала тоже на полу.

«Курокъ шелкнулъ, и одинъ проклятый упалъ на землю. Романъ убилъ другаго; а оставалось еще двое перепуганныхъ. Ударомъ приклада я вмигъ повалилъ на землю одного, а Романъ и замахнуться не успѣлъ, какъ Черкесъ выстрѣлилъ изъ пистолета, и Романъ упалъ.

«Какъ сумасшедшій, бросился я на Черкеса и, сваливъ съ ногъ, началъ давить его; захрипѣлъ, потянулся и здохъ.

«Я схватился съ него, хотѣлъ батькови помощь подать, но вдругъ вижу: очнулся еще тотъ, котораго я прикладомъ ударилъ впервые, и встаетъ. Прости Господи согрѣшеніе: я ножъ выхватилъ и разъ пять всадилъ его по рукоятку въ глотку Черкеса— кровью облился.

«Романъ застоналъ; но забылъ я о немъ: тутъ же лежали мой отецъ, мать и жена молодая.

«Бросился я къ отцу: онъ зарѣзанъ, не дышетъ. Закричалъ я сколько силы было. Отъ него бѣгу къ матери: она стонетъ, несчастная, въ безпамятствѣ, и течетъ кровь съ нея. Что тутъ дѣлать, не знаю, совсѣмъ растерялся. Я къ женѣ, ножомъ разрѣзаю веревки; а она тоже со страха обомлѣла. Бѣда... стояло ведро съ водою: я схватилъ и давай лить съ него, то на мать, на отца, на жену, на Романа. Побѣжалъ въ сѣни, почерпнулъ еще воды и не вспомню, сколько я лилъ ея; да, благодареніе Богу, помогла. Жена открыла глаза, а потомъ вдругъ схватилась, взглянула кругомъ и бросилась на шею ко мнѣ.

— «Пётре, Пётре!... милый Пётре, спасай батька... ненью... убили...

— «Ганно! мила моя, бери маму, положимъ ей скоріше на кровать, да давай тряпокъ: надо раны перевязать, а то кровью сойдетъ.

«Перенесли мы маму и торопились перевязать рану въ лѣвомъ боку.

«Слышимъ, стонетъ Романъ и Черкесы стонать начали. Прости Господи, согрѣшилъ предъ Тобой; но, не помня себя отъ злости, я, услышавши стонъ Черкесъ, бросился и давай ножомъ колотъ во чтó ни попало.

«Не могли они защищаться; но мнѣ отраднó было смотрѣть на кровь вражью, весело было слышать предсмертные стоны разбойниковъ.

«Оглянулся назадъ: съ земли подымается Романъ, весь въ крови и шатается.

«Бросилъ Черкесъ и на помощь къ нему: воды далъ, на лавку усадилъ, смотрю, куда раненъ—въ голову, да не крѣпко: слава Богу, пуля вскользь прошла по виску. Обмотавъ ему голову, я подошелъ къ отцу и сталъ плакать; жена тоже вой подняла. Мать открыла глаза и плачетъ и стонетъ.

«Разсвѣло. Роману полегчало. Я сейчасъ побѣжалъ по сосѣдямъ. Собрались. Отца моего хоронили; а черезъ два дня и мать повезли на кладбище.

«Романъ выздоровѣлъ скоро.

«Недѣли черезъ три Богъ далъ мнѣ сына; да худенькій, тощенькій такой вышелъ, что и не выдержалъ: умеръ дней черезъ пять. Жена и теперь все болѣетъ, а ночью только глаза зажметъ, такъ сна нѣтъ, кричитъ и плачетъ... Все ей кажется, кличутъ ее, называетъ по имени отца и мать, и къ сыну просится...»

Козакъ кончилъ, грустно опустилъ голову, задумался; задумались и всѣ окружающіе. Каждый понималъ скорбь молодого рассказчика; всякій изъ нихъ былъ отецъ, братъ, мужъ. Слѣдовательно, въ каждомъ чувствѣ Петра были чувства, знакомыя всѣмъ.

— Гарна штука, сумно робится, не хай ему, сказалъ сѣдовласый пластунъ: — все плачь да плачь.... Хоть бы трохи повеселить васъ дити, мои.... Отъ постоите лишень, я расскажу, про козака *Строкача*, винъ и теперь поживаетъ, слава Богу.

— Слушаемъ, диду, що вы намъ расскажете веселаго, мабутъ не богацько найдеться.

— Побачишь.... слухай....

— «Вся Черноморія знаетъ *Строкача*, началъ такъ старичокъ: — да не только Черноморія, всѣ Черкесы знаютъ его: онъ имъ не мало шкоды надѣлалъ. А таки шкодливый пластунъ, нехай ему легенько згалается.

«Первая забава у него—это ходить на кабановъ на охоту; да, видите ли, ему мало кабановъ по этой сторонѣ: такъ онъ въ черкесскіе камыши ходитъ.... подумаешь справди, на кабановъ; а онъ такъ-таки просто на Черкесовъ. Бывало спрашиваешь его: куда собираешься?

— «Да, говорить, совсѣмъ обносился, такъ пойду да кабана убью, такъ хошь постолы будутъ, а то ходить скоро не въ чемъ будетъ.

— «Брешешь, говорю, не та у тебя думка.

«А оно и вѣрно, что такъ. Бывало выйдетъ съ вечера да дня три и пропляется, Богъ его знаетъ, гдѣ ходитъ, а придетъ къ нему, у него видишь проявилась и гвинтовочка въ серебрѣ, и шашка, и кинжалъ, да и бешметы и черкески хорошіе развѣшены въ хатѣ.

«Признайся», говоришь ему; такъ нѣтъ, и сякой, и такой, и не мазаный, и Богъ знаетъ какой, что и не видѣлъ и не слыхалъ. Ужъ такая натура у него!

«Одинъ разъ встрѣчаю его—съ ружьемъ идетъ.

— «Куда? спрашиваю.

— «Да иду, говорить, на охоту.

— «А на какого звѣря?

— «На кабановъ... на кого же больше.

— «Смотри братъ, говорю:—доходишься, что и тебѣ туго будетъ.

— «И до самисенькой смерти ни чо́го не буде.

«Прошло дня три. Я сижу на призьбѣ (*). Гляжу, бредетъ *Строкачъ*, и что-то невеселый.

— «Что, братъ съ пустыми руками? видно, охота не посчастливилась?

— «Какое тутъ посчастливилось. Чуть братъ меня забрали Черкесы.

— «Да оно такъ когда нибудь и будетъ. А что такое случилось?

(*) Около стѣнъ крестьянскихъ избъ дѣлаются земляныя насыпи, оплетенныя лозою, въ видѣ скамеекъ. Это—любимое мѣсто предающагося кейфу труженика-воина черноморскаго козака, какъ и у родича его малороссіянина.

— «Да что тутъ рассказывать. Вотъ одѣнься, возьми ружье. Кабанъ мой на той сторонѣ остался: такъ пойдемъ заберемъ.

— «А что же ты самъ не взялъ?

— «Слушай, вотъ какъ дѣло было: хотѣлъ я походить тутъ по плавнямъ, чтобъ кабана или козу убить, самъ не замѣтилъ, какъ я сбился съ дороги и попалъ за Кубань, въ черкесскіе плавни.

— «Рассказывай, только не морочь. Ты съ плавнивъ сбился? Что это ты, на дурнаго попалъ? Есть ли кустики и на черкесской землѣ, чтобы ты его не зналъ!

— «Такъ и самъ не знаю какъ.... одурѣлъ, право слово, одурѣлъ... Ну, дѣ все равно. Вотъ слушай дальше. Забрался я въ черкесскіе плавни и вижу, что нетуда попалъ, куда хотѣлось; но, думаю, нечего дѣлать, надо уже было тамъ остаться и поохотиться. Только хотѣлъ свернуть съ битой дорожки въ камышъ, глядь, Черкесь бѣжитъ. Думаю себѣ, что дѣлать? Онъ меня не видитъ: давай запрячусь и просижу въ камышахъ. Пусть его проѣдетъ. Богъ съ нимъ! что намъ съ нимъ драться! Отбѣжалъ отъ дороги въ сторону шаговъ на пять и схоронился въ густомъ камышѣ. Сижу да и самъ не знаю, какъ ко мнѣ думка пришла о томъ: что бѣ, напримѣръ, сдѣлалъ Черкесь, если бы на моемъ мѣстѣ былъ. Пропустилъ бы онъ меня такъ, какъ я его хочу пропустить, или убилъ бы?...

«Убилъ бы, думаю, и черкеску бы съ меня снялъ, и ружье забралъ, да и надъ тѣломъ моимъ поглумился. Или, думаю, когда бы онъ пришелъ на нашу землю, сбившись съ дороги, такъ билъ ли бы только козъ и кабановъ? Нѣтъ, они кабановъ не ѣдятъ, а за козами не охотятся; а искалъ бы онъ, нельзя ли гдѣ скотину козацку захватить или лошадку, а то и самого козака, а что и всего хуже, козакову жену, дѣтей, мать или отца. Такъ меня эта думка разсердила и досадно стало, что я даю ему опрѣхать и не пугаю его. Тутъ-то я и не выдержалъ: взвелъ курокъ да какъ стрѣльну. Такъ только напугать хотѣлъ.... право; а онъ и въ самомъ дѣлѣ—невзначай что ли пуля его задѣла—и хлопнулся съ коня и коняки не удержалъ: побѣжала она въ обратную. Хотѣлъ было перенять ее, чтобы отдать ему—а то вѣдь пѣшкомъ ему приходится идти: такъ нѣтъ—такая шустрая, что ничего не сдѣлаешь—ушла. Она-то мнѣ, видно, и напакостила. Жалко, думаю, коня, а еще жальше черкесина, что если онъ, падая, забился нехорошо! Я подбѣжалъ къ нему, хотѣлъ руку

подать, чтобъ легче встать было; а онъ и не встаетъ. Почерпнулъ воды, даю напиться: думалъ полегчаетъ, нагнулся, братъ ты мой, къ нему, а онъ и не дохветъ. Бѣда, думаю. Чтò тутъ дѣлать? Началъ скорѣе распоясывать ремень у него—а то вѣдь, знаешь, какъ они перетягиваются — думаю, авось пособить: снялъ верхній ремень, а на немъ шашка привязана. Положить некуда: на землю — запачкается, вѣшаю на себя, разстегиваю другой — нѣтъ, не лучше, а кажется ужъ совсѣмъ свободно.... не дышетъ, хоть ты чтò хошь.... Я и спохватился. Да ему тяжело оттого, что оружія много. Давай скорѣе снимать винтовку и пистолы, кинжалъ и пороховницу; потомъ снялъ бурку, черкеску. Да все, братъ ты мой, долженъ былъ надѣвать на себя; а то просто некуда. Совсѣмъ, кажется, легко стало ему и морозъ порядочный, а не ворухится. Чтòбъ въ биду не попастьъ, давай лучше затащу его въ камышъ: пусть тамъ лежитъ; можетъ быть, прійдетъ въ себя, такъ спасибо скажетъ, что съ дороги стащилъ, что по немъ конякою не переѣхали. Положивъ его хорошенько въ огромнѣйшій терновый кустъ, пошелъ самъ дальше, и такъ мнѣ его жалко стало оставлять одного, что я рѣшился, во чтò бы то ни стало, прійскать ему пару; а то чтò же, въ самомъ дѣлѣ, одному лежать, можетъ быть онъ привыкъ жить семействомъ.

«Иду все дальше и посматриваю направо и налево. Недалеко прошелъ.... только чтобы не соврать, съ четверть версты. Я и не зналъ, что тутъ близко аулъ.

— Бреешь, сказалъ я ему.

— Ну, ну!...

«Видю, человекъ не меньше какъ десять Черкесъ ѣдутъ, братъ ты мой, рысью. Э це, подумалъ я, не переливки, видно, уже смерть моя приходитъ. Куда мнѣ подѣться несчастному: на такомъ открытомъ мѣстѣ захватили, что ни камышу, ни кустовъ нѣтъ. Какъ приструнилъ я, приструнилъ, какъ побѣждалъ я, побѣждалъ, такъ я тебѣ скажу, что и лисица бы меня не догнала. У меня только сердце тѣхъ, тѣхъ, тѣхъ, и душа, братъ, ниже пять забралась. Бѣда какъ бѣжалъ я! Куда, думаю, удариться лучше? Да куды! на островъ: островъ весь въ кустахъ, а кругомъ вода и хмеречею (*) чисто весь поросъ. Тамъ думаю: какъ добѣжу, такъ ще потягаюсь съ проклятыми невірами. А островокъ тотъ такой славный: кругомъ трясина и топь такая, что конному

(*) Густой кустарникъ или камышъ, или куща.

ни зимой, ни лѣтомъ проѣхать нельзя, а кустарникъ такой густой, что хоть и листу нѣтъ осенью, такъ за бурьяномъ ничего не видно.

«Бѣгу къ острову, а душа такъ и замираетъ... не отъ страху, ей Богу, а отъ жалости, что одинъ — скучно. Черкесы какъ припустятъ, братъ ты мой, какъ припустятъ, у меня ажъ въ глазахъ помутилось; а я все бѣжу, думаю соби, якъ не втечу, поймають, то пропаду я ни за цапову душу... Ажъ шлепъ, влизъ по поясъ въ трясины. Ну, слава тебѣ Господи: карабкаюсь, вскочивъ въ болото по шю — выскочивъ на островокъ, да только что успѣлъ вскочить въ первый кустъ, а уже и Черкесы вскочили въ плавни.

«Я схватилъ черкеску, что съ убитого у меня невзначай осталась, и давай ее развѣшивать въ кустъ, а самъ скорѣе перескочилъ въ другой кустъ, и думалъ, теперь-то и удеру изъ куста въ кустъ, думаю, какъ разъ вскочу въ камышъ; да нетуть-то было. Я таки вдоволь страху набрался, приструнили анафемы.

«Подбѣжали къ кусту, завидѣли черкеску. Одинъ дурной и выстрѣлилъ, да такъ славно нацѣлилъ, что меня въ третьемъ кустѣ, вправо отъ того, гдѣ развѣшена черкеска, чуть-чуть не убилъ. Удружилъ бы, пропадай его голова! Бросились всѣ въ первый кустъ и стали пробираться въ средину его, глядя на черкеску и думая, что это я убитый. Я сейчасъ поставилъ бурку и надѣлъ на нее папаху, хотѣлъ уже пробраться въ слѣдующій кустъ, да свиняча у меня натура: чѣмъ бы убираться скорѣе подобру-поздорову, я ще играшки съ ними вздумалъ вести: они какъ бросились въ кустъ, такъ сбились совсѣмъ въ кучку. Я думаю, славно бы и выстрѣлить теперь: какъ подумалъ, такъ и сдѣлалъ. Какъ тарарахну въ кучку, такъ только, что называется, перья посыпались. Что крику да стону было, такъ просто смѣхъ! Переранило ихъ таки порядкомъ, я думаю, не меньше, какъ человекъ двухъ или одного.

«Озлобились они, кинулись къ кусту, гдѣ былъ я; да не тутъ-то было: я, оставивши бурку накрытою папахою, только что выстрѣлилъ, самъ живо перебѣжалъ въ задній кустъ. Тутъ уже мнѣ, по всѣмъ примѣтамъ, надо было пропадать: трудно было добраться, потому что шаговъ двѣсти оставалось до камыша чистой гладкой поляны, такъ что и былинки не было, за что бы сирятаться. Думалъ, когда займутся тѣмъ кустомъ, я рискну и успѣю пробѣжать эту чистоту, и не видать имъ меня,

какъ смаленаго зайца, но не тутъ-то было. Нѣсколько изъ нихъ бросились къ тому кусту, а одинъ съ гвинтовкою въ рукахъ шелъ прямо на меня. У меня оставался еще заряженный штуцеръ, потому что я выстрѣлилъ только изъ гвинтовки, я могъ бы стрѣлять; но то былъ послѣдній выстрѣлъ, а онъ держится на такой случай, когда именно съ жизнію разставаться приходится. Я удержался, взвелъ курокъ и смотрю на бѣгущаго прямо къ кусту Черкеса. Храбрый, однако, и Черкесь былъ: такъ-таки и набѣжалъ на кустъ, остановился и началъ разсматривать, держа, однако, передъ собою винтовку, да только дуломъ не впередъ, а кверху, и такимъ порядкомъ спокойно влѣзаетъ въ кустъ.

«Видно, бестія думалъ, что я въ томъ кустѣ, гдѣ былъ выстрѣлъ, потому что лѣзетъ въ кустъ рѣшительно безъ всякаго страха, какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, за зайцемъ гоняется или птичье гнѣздо деретъ. Досада меня взяла. Эхъ, думаю. убить не убью, а уже знаю — якъ провчу, що на всю жизнь. Еще сдѣлалъ онъ шагъ и почти наткнулся на меня. А густота была такая, что надо было морду съ мордой сложить, чтобы увидѣть другъ друга.

— «А тю.... дурный! крикнулъ я, сколько было у меня силы.

«Какъ выскочить отъ меня Черкесь да какъ побѣжить, такъ какъ чортъ отъ ладану, и гвинтовку свою выпустилъ; а я сейчасъ прибралъ къ себѣ. У меня теперь было опять два заряженныхъ ружья. Значитъ, когда они кинутся на меня, такъ я уже дѣйствовать могу сподручнѣе. У меня такое заведеніе было, что заряжу ружье пулею, а потомъ, для вѣрности, штукъ съ восемь или десять картечинъ впущу, такъ воно и надежнѣе, да уже и вирнѣ бьетъ: если не попадешь двоихъ, то вже одного навѣрняка подсадишь. Самъ себя веселю, думаю, что у меня и ружья заряжены и пистолы два заряженныхъ; а Черкесовъ только четверо осталось противъ меня, потому что ранилъ одного да *перелякавъ* до смерти другаго: такъ чога жъ тутъ бояться?

«Какъ завидѣли Черкесы, что товарища ихняго такъ перепугалъ, что со страху онъ и гвинтовку бросилъ, такъ начали смѣяться, що ажъ мини весело стало. Они прятались тоже въ кустахъ, такъ, что только голоса ихъ слышны были. Отъ и кричать мнѣ:

— «Эй, Иванъ, шалтай болтай шепъ — гайда сарай!... Чортовы дурни, думали, якъ скажуть: Иванъ, да ще нагородятъ бисъ знае чога, такъ воно чисто по руськи буде.

— «Якъ разъ, чорта съ два, менѣ живого возьмете, отозвался я по черкесски:—ще такъ зо мною на сухую не кончите, ще кого нибудь убью, а менѣ не подстрѣлите, чортовы дити! А все-таки, правду треба сказать, я крѣпко праздновалъ труса.

«Черкесы позапрятавались въ кустахъ и кричатъ, чтобы я сдавался. Обѣщали мнѣ ничего дурнаго не дѣлать и даже отпустить домой. Э! думаю себѣ, щобъ вы пластуна, поймавши въ свои руки, да такъ слегка выпустили. Ни цѣго не буде. Потривайте трохи, у мене самого не гола пята, якъ у приказнаго, а черморскій усь ростѣ, такъ не проведете обипянками (*).

«Они отъ меня были такъ, чтобы не совратъ, шаговъ на двѣсти, а до комышивъ оставалось тоже не меньше, такъ я подумалъ, подумалъ, да и рѣшилъ: выскочить съ куста да и дать драла, просто напрямикъ на удалую; а то ничего больше выдумать нельзя было. Черкесовъ же могло собраться больше, и тогда еще бы хуже пришлось. Теперь они не стрѣляли, потому что надѣялись живымъ забрать меня; а этого только они и добиваются, когда бываетъ ихъ нѣсколько, а нашъ братъ одинъ; такъ обычай такой завели, чтобы безпримѣнно живаго взять и похвастаться тѣмъ между своими, что вотъ они настоящіе джигиты (**); да рѣдко приходится, слава Богу всемогущему!

(*) Поговорка, употребляемая черноморскими козаками, когда они смѣются надъ чиновниками гражданскаго вѣдомства. Она въ переводѣ значитъ: «Нѣтъ, этого не будетъ, можно немного обождать, у меня самого не голая губа, а обросла усами, какъ то слѣдуетъ для черноморскаго козака, а потому не проведете пустыми обѣщаніями.

(**) Каждый изъ Черкесъ, когда бываетъ среди своихъ товарищей, до того самолюбивъ, что скорѣе готовъ умереть, чѣмъ показать малѣйшую трусость и тѣмъ навлечь на себя пренебреженіе всего вольнаго общества джигитовъ; никто изъ нихъ, въ присутствіи своихъ собратій, не позволить себѣ выйдти изъ условныхъ правилъ, усвоенныхъ джигитами при нападеніи на врага. При большинствѣ нападающихъ, допускаются всѣ возможныя хитрости; но когда на нѣсколько отчаянныхъ джигитовъ (хаджерствъ—разбойникъ, удалецъ) случится одинъ глуръ (невѣрный, собака), то непременно должно стараться взять его живаго, или, иначе, воинская рыцарская доблесть рушится, и онъ потеряетъ всякое уваженіе со стороны своихъ товарищей. Вотъ почему Черкесы, забравшись въ кусты, уговаривали пластуна выйдти и сдаться. Еслибъ, наконецъ, забывъ свои обычай, они рѣшились броситься на кустъ, чтобы забрать пластуна, то навѣрное могли рассчитывать, что подобное нападеніе хотя бы и увѣчалось успѣхомъ, но окупилось бы дорогою цѣною, ибо каждый изъ нихъ навѣрное могъ рассчитывать быть убитымъ. Слѣдовательно, въ невѣрности Черкесъ страхъ игралъ не малую роль.

Знають Черкесы, что взять пластуна можно живьемъ только врасплохъ и обезоруженнаго; но когда пластунъ видитъ врага, когда онъ нашеть возможность найти закрытіе, тогда онъ борется со врагомъ, хотя онъ былъ бы въ десять разъ его сильнѣе. Пластунъ пробуетъ всѣ средства, всѣ хитро-

«Такъ, пораздумавъ, что чѣмъ дольше сидѣть, тѣмъ хуже, я рискнулъ выбѣжать.

«Выскочилъ изъ куста, да и полетѣлъ, такъ-таки полетѣлъ къ камышу. Черкесы стрѣляютъ по мнѣ, да ничего: руки дрожать при скорости. Догонять меня кинулись — такъ не таки Богъ ноги давъ, щобъ споймали! Вскочивъ въ камышъ, кинулся вправо, влѣво и шаговъ за тридцать упалъ между копяковъ и притихъ. Слышу, шолохтятъ анафемы; прилягу, послушаю — близко.

«А камышъ, слава Богу, у насъ высокій, якъ тополя, такъ що есть чимъ похвастаться.

— «Козакъ верхомъ и съ пиккою сховается, замѣтилъ одинъ изъ слушающихъ.

сти, щобъ спасти себя отъ смерти, и, когда уже видитъ прямую невозможность къ защитѣ, умираетъ подъ ударами враговъ, но не сдается. Иногда, впрочемъ, попадаютъ въ плѣнъ сильно раненые, т. е. все-таки тѣ, которые не въ состояніи владѣть оружіемъ.

Подобное самопожертвованіе со стороны Черноморца и пластуна происходитъ отъ различныхъ причинъ: изъ любви и привязанности къ своей землѣ, къ своему отчеству, гдѣ остается у него всѣми чувствами любимая семья; вторая причина важнѣе первой: это — святое исполненіе заповѣдныхъ обычаевъ своихъ славныхъ предковъ, въ жилахъ которыхъ лилась кровь «лыцарей». Потомки удалыхъ Запорожцевъ не разъ кровью своею запечатлѣвали преданность къ отчеству, за что и получили отъ матушки-царицы сперва названіе «вѣрныхъ козаковъ», а потомъ великая императрица, видя постоянныя отличія и достославныя дѣла Запорожцевъ, своихъ «вѣрныхъ козаковъ», по донесеніи князя Таврическаго, за взятіе у Турокъ 7 ноября 1788 года неприступнаго острова Березани, подарила имъ въ память для потомства наименованіе «вѣрные черноморскіе козаки», такъ какъ событія эти совершены ими на Черномъ морѣ.

Названіе «черноморскаго и вѣрнаго» такъ дорого для потомка Запорожцевъ, что оно служить ему какъ бы знаменемъ для вѣрности и храбрости; его гордость, слава, — все въ этомъ имени. Каждый изъ Черноморцевъ помнитъ, что дѣды, а у нѣкоторыхъ и отцы, кровью заслужили это славное имя подъ стѣнами Очакова и Измаила.

Какъ дорого это названіе для нихъ, я приведу случай, которому самъ былъ свидѣтелемъ.

Въ 1857 году, я былъ въ Черноморіи. Какой-то пріѣзжій изъ столицы, вѣроятно, ради краснаго словца, распустилъ слухъ, что черноморскіе козаки соединяются въ одно цѣлое съ Кавказцами подъ общимъ именемъ «Кубанское казачье войско». Слухъ этотъ, несмотря на всю неосновательность, съ быстротою разнесся по всему краю, и, гдѣ я ни проѣзжалъ, первый вопросъ, который встрѣчалъ меня на порогѣ кажлаго дома, — это: «справда ли, что отъ нихъ желаютъ отнять дорогое имя и дать имъ другое? Не вѣ же жъ на те козаки всевали и кровь свою проливали, щобъ пропала козачья слава, порошиною здула». У стариковъ навертывались слезы, а молодые люди просто неистовствовали и увѣряли, что этого никогда не можетъ быть, что ихъ не захотятъ обидѣть. *Асторъ.*

— Колибъ стилько Богъ лису давъ, сказалъ съ иронической усмѣшкой другой: — щобъ такъ густо порось.

— Той пропавъ бы къ бисову батькови, сказалъ разсказывающій старикъ: — де жъ таки и пучкою не проткнешь! Такъ постойте, не перебивайте: заразы конецъ буде.

«Отъ, каже, доброе, и давай ползти въ ихъ слѣдъ, такъ, чтобы не розниться отъ ихъ шаговъ, и такимъ способомъ версты съ полторы лѣзь и все подавался въ сторону. Уморился я такъ лѣзучи, что надо было отдохнуть, остановился, лежу, снялъ папаху, перекрестился и легъ отдохнуть. Вдругъ чую, что-то шлохнуло. Давай прислушиваться: должно быть, кабанъ камышь рѣзнуло. Прислушался въ другую сторону—Черкесовъ не слышно. Такъ я подпустилъ шаговъ на десять да на шестель и ударилъ въ камышь, въ то мѣсто, гдѣ ворушилось. Упало что-то. Побѣждалъ—лежить здоровенный кабанъ. Я и заволился подлѣ его, чтобы шкуру снять; такъ не тутъ-то было: на выстрѣлъ набѣжали слѣднвшіе за мною Черкесы; человѣкъ, какъ по крику думаю, не меньше десяти, а то и пятнадцать собралось. Бросилъ я кабана да и давай лазить по плавнямъ, да такъ, куда не подлизу, ляжу, притихну; слышу, что есть недалеко люди, давай опять лѣзть въ другую сторону—опять та же штука.

«Такъ вотъ двое сутокъ выморили, чуть было не поймали; да вѣтъ, вывернулся, только проголодався здорово. На кардони боршу поѣлъ, такъ легче стало.»

— «Я тебѣ пророчу, что попадешься, сказалъ я ему, когда онъ кончилъ.

— «Попадусь, такъ попадусь, а теперь все-таки цѣль остался. Ну, такъ что жъ, пойдешь за кабаномъ? пополамъ и раздѣлимъ.

— «Хорошо, нечего, дѣлать пойдёмъ.

«Пошли. Кабана нашли, а потомъ прощли дальше, да и гвинтовку отыскали, только пистоль пропала.»

Разсказъ оконченъ. Нѣкоторые козаки расхотались, а другіе призадумались и усомъ не шевельнуть. Одинъ же пожилыхъ лѣтъ пластунъ, обращаясь къ старику, спросилъ:

— А шо, диду, чи довго буде оця война? Вона вже совсѣмъ опротивила: не намъ, не Черкесамъ не ма ни якого спокою.

— Чи довго, не знаю, а шо не совсѣмъ и давно знами воевать стали. Еще за мою память, когда насъ пригнали сюда изъ Полтавской губерніи съ семействами, какъ только что Запорожцы изъ-подъ Измаила пришли, тогда совсѣмъ не то было....

— А ну, расскажите намъ, якъ же це було?

— Пора спать, сказалъ старикъ.

— Нѣтъ, еще рано; расскажите, пристали всѣ.

— Ну, добре.... Слушайте! Былъ я приписанъ къ войску уже порядочнымъ хлопцемъ, такъ годовъ шестнадцати или семнадцати, а въ которомъ именно году, не запомню, только лѣтъ слишкомъ шестьдесятъ назадъ, а теперь мнѣ чуть ли не подъ восемьдесятъ, да еще держусь на ногахъ съ Божьей помощью и пластуновать не разучился.

«Пришли мы сюда (*), а тутъ только что курени строились и пустота была кругомъ страшная; ничего не было, что называет-

(*) По сіе время, какъ между Черноморцами, такъ и Черкесами прикубанскими, сохранилось преданіе, передаваемое почти такъ. Было время, когда именно безъ войны можно было побѣдить закубанскихъ горцевъ (Адыге). Это время продолжалось съ 1793 до послѣднихъ годовъ прошлаго столѣтія, именно до назначенія атаманомъ генераль-маіора Тимоея Котляревскаго, при которомъ произошла между козаками и Черкесами вражда. Запорожцы, или уже Черноморцы, занявъ линію, начали постройку зимовниковъ. Требовался лѣсъ, его же на правой сторонѣ не было; а потому они ѣздили на лѣвый берегъ рѣки и производили порубъ лѣса. Закубанцы, увидѣвъ воинственное племя, пришедшее и поселившееся на земляхъ, принадлежащихъ имъ; сперва съ недоброжелательствомъ смотрѣли на Черноморцевъ; но потомъ, разсмотрѣвъ ихъ дружелюбныя къ нимъ отношенія, а главное—проникнутые уваженіемъ къ рыцарству новопрішельцевъ, у которыхъ было такъ много оружія и пороху и которые такъ свободно и безбоязненно переправлялись къ нимъ за Кубань, гдѣ рубили и охотились, но не причиняли имъ никакого вреда, полюбили этотъ народъ и связались договоромъ — не наносить другъ другу никакого вреда и всѣ недоразумѣнія, которыя могутъ выходить между ними, рѣшать общимъ судомъ, на той землѣ, у кого что случится, имѣя только со стороны обоихъ тяжущихся депутата. Всякое воровство, убійство и мошенничество судились общиной и рѣшались добросовѣстно, безъ всякаго пристрастія. Все закубанское народонаселеніе училось воинскимъ упражненіямъ у Черноморцевъ, вымѣнивало у нихъ порохъ и оружіе, и, кромѣ этого, они продавали и промѣнивали другъ другу домашнюю живность. Такое положеніе дѣла было до назначенія атаманомъ Тимоея Котляревскаго; но при немъ произошелъ разрывъ между двумя дружественными семьями. Поводомъ къ этому было вмѣшательство Котляревскаго въ ссору между племенами: Бжедухскимъ и Шапсугскимъ. Шапсуги желали ввести у Бжедуховъ народное правленіе, отъ котораго послѣдніе отказывались, и потому началась между ними вражда. Сперва были частныя неудовольствія, а потомъ дѣло дошло до того, что Шапсуги объявили войну Бжедухамъ, пригласивъ противъ нихъ въ союзъ съ собою Абадзеховъ. Бжедухи, увидѣвъ невозможность противостать союзу двухъ племенъ, обратились съ просьбою о помощи къ Котляревскому. Атаманъ, не разсчитавъ, какія могутъ быть послѣдствія отъ вмѣшательства въ семейную ссору двухъ племенъ, рѣшился помочь Бжедухамъ.

Сотня козаковъ и одно орудіе даны были на помощь Бжедухамъ. Ободренные помощію Русскихъ, Бжедухи назначили мѣсто сраженія союзникамъ. Это мѣсто—на линіи нынѣ существующаго Хомутовскаго поста, въ семи вер-

ся ничего, даже бабъ совсѣмъ не было, а уже съ нами послано было ихъ чи мало. Когда явились мы въ Екатеринодарскій курень—тогда еще онъ такъ назывался—и приписали всѣхъ насъ къ войску. Стали сейчасъ учить насъ стрѣлять, и кто не совсѣмъ хорошо умѣлъ, такъ *батаговали* порядкомъ, такъ что и теперь, пожалуй, спина чешется. Когда уже подучились немного, то перемѣшивали насъ, молодыхъ, съ Запорожцами и ставили по линіи въ караулы, на всякій случай; только караульнымъ—то дѣлать было нечего: Черкесы никогда не нападали на насъ, и ихъ кѣши (отары) были на нашей сторонѣ и ходили по нашимъ полямъ; даже аулы были по берегу Кубани. Никто ихъ не трогалъ (*); жили они совсѣмъ спокойно. У насъ и прежде, какъ и теперь, лѣсу совсѣмъ не было, такъ, бывало, на паромахъ переправявъ обозъ, поѣдутъ сколько нужно рабочихъ козаковъ и нарубятъ лѣсу сколько душѣ завгодно, и никогда не бывало никакой драки. Черкесы, правда, тогда совсѣмъ и воевать не умѣли, у нихъ и ружьевъ не было, только луки съ стрѣлами, пашки да кинжалы.

«Бывало, что случится такое, неприятствіе на нашей или на ихней сторонѣ, сейчасъ приѣзжаютъ къ намъ и жалуются куренному атаману: что вотъ такъ и такъ, у насъ пропажа случилась или что тамъ другое было; а когда у насъ что случалось, такъ и наше начальство ѣздило туда, и тамъ старшины дѣло рѣшали всегда полюбовно. Да и шкоды никакой особенной не было, все какъ—то шло хорошо, жили какъ будто въ самомъ дѣлѣ мы одной вѣры или изъ одной земли.

стахъ отъ р. Кубани, трехъ верстахъ отъ сухаго ерка Бзюкъ на полянѣ Негидѣ. Произошелъ бой; не долго продолжалось кровопролитіе. Однако, убитыхъ и раненыхъ, по словамъ князя Тельтустена, внука предводителя Бжедуховъ, Хаджи-Мукова, было около 1,320 человекъ. Предводитель Бжедуховъ, изъ рода Хамишеецъ, князь Беткерей Хаджи-Муковъ, былъ убитъ, а съ пролитіемъ крови полководца, по обычаю горцевъ, должно было окончиться сраженіе, разумѣется, въ пользу Шапсуговъ. Съ крикомъ и плачемъ, неся на рукахъ своего полководца, возвращались Бжедухи. Съ радостными возгласами и пальбой спѣшили домой торжествующіе Шапсуги и Абадзехи.

Шапсуги и Абадзехи отпали отъ Черноморцевъ, и началась вражда непримиримая. Бжедухи долго еще держались въ дружбѣ съ помогшими имъ; но происки Шапсугъ и различнаго рода козни, которые они производили подъ именемъ Черноморцевъ, отклонили и Бжедуховъ отъ нихъ. Вотъ начало вражды.

(*) Черкесскія отары были еще до 1850 года. Первый генералъ-майоръ Кухаренко, бывши исправляющимъ должность наказнаго атамана, передвинулъ линію къ самой рѣкѣ Кубани и потому заставилъ Черкесъ перебраться на лѣвую сторону рѣки.

«Пріѣдутъ къ намъ, бывало, торгуютъ, скоть продаютъ, соль, порохъ, оружіе вымѣниваютъ у насъ и даютъ намъ втрое сколько стоитъ какая вещь.

«Помню, одинъ разъ пріѣхалъ ко мнѣ знакомый мой Черкесинъ и дней пять жилъ и все учился, какъ ружьемъ стрѣлять, а меня училъ ремни выдѣлывать. Такой старательный былъ и все ему знать хотѣлось: и это, и то Расскажи, какъ дѣлается и какъ называть. Чудакъ—таки былъ; его бѣднягу убили.

«Дружно жили мы съ ними сколько лѣтъ: я думаю, года три или четыре, что никакой войны намъ вести не приходилось, а только въ гости другъ къ другу ѣздили да перепродовались и обмѣнивались своимъ имуществомъ.

«Не знаю, какой тамъ случай выпалъ у нихъ, что они вдругъ ни съ того, ни съ сего ссору помежъ себя затѣяли, да такую, что просто бѣда. Одинъ разъ пріѣзжаетъ ко мнѣ мой пріятель, Мишеость—такъ его звали—и говоритъ мнѣ:

— «Эй, Иванъ, бѣда!

«А они и прежде, какъ и теперь, дурни: какъ только Русскій, такъ непремѣнно Иваномъ зовутъ, хоть бы онъ и Хомой прозывался.

— «А что? говорю.

— «У насъ война пошла такая, что въ горахъ жить трудно: Шапсуги и Абадзехи на насъ идутъ, а винъ бувъ Бжедухъ; приказываютъ, чтобы у насъ князя не было. Насъ мало: князь нашъ пріѣхалъ просить помощи у вашего князя.

«Такъ они нашего атамана звали.

— «Такъ ты съ княземъ пріѣхалъ? А что же вамъ сказавъ нашъ батько атаманъ?

— «Слышалъ, говоритъ, что обѣщаль дать и козаковъ и пушку. Мы ихъ теперь побьемъ, Иванъ, и я тебѣ много, много оружія привезу и лошадей.

— «Не хвались еще, сказалъ я: — тогда скажешь гопъ, якъ перескочешь; прежде надо дѣлать, а потомъ и гостиниці давать.

«Поговорили, поговорили съ нимъ, и поѣхалъ онъ себѣ.

«Дней черезъ пять послѣ этого полученъ былъ наказъ отъ куреннаго собраться сотнѣ и отправиться въ Екатеринодаръ. Я служилъ въ томъ конномъ полку, изъ котораго назначена была сотня, такъ и мнѣ на долю выпало побывать въ этомъ поганомъ дѣлѣ.

«Славный день былъ: небо такое чистое—ни одной тучки—

вѣтерокъ не шелохнетъ. Сотнею командовалъ тогда, кажется, Скіяревскій, должно быть сотенный, добре не запомную, бо не нашего куреня былъ. Одну поганеньку пушку дали и повели насъ къ тому мѣсту, гдѣ теперь Хомутовскій постъ, переправились на ту сторону Кубани и, отошедши версты двѣ, остановились и расположились ночевать на маленькой полянѣ.

«Поговаривали, что Черкесы нападуть на другой день на разсвѣтѣ; но оказалось, что это была брехня. Къ разсвѣту тысячи три Черкесъ, за которыхъ мы должны были сражаться, пріѣхали къ намъ съ своими князьями, а немного погодя дали знать передовые, что верстъ за шесть непріятель. Повели и насъ.

«Какъ идти напрямикъ къ горамъ отъ Хомутовскаго поста, верстъ за семь была протока... а то такъ-таки назвать маленькою рѣчкою... теперь она совсѣмъ высохла. Рѣчка эта обливала большую поляну и раздѣляла ее на двѣ половины. За полверсты—не больше—видѣлся большой лѣсъ и богатые аулы, множество скота ходило по подь лѣсомъ. Видно, что дѣло не на грабежъ шло, а только на лыцарскую потѣху.

«Едва выѣхали мы на поляну, то увидѣли множество Черкесовъ, непріятелей нашихъ, ѣдущихъ противу насъ чинно, шагомъ. Впереди ѣхало нѣсколько человекъ со значками, а одинъ—совсѣмъ впереди—видимо начальникъ былъ.

«Наша Черкесы тоже постарались и своего князя выслали впередъ. Сотня была на правой сторонѣ, а въ серединѣ—пушка.

«Попросилъ князь эсаула, чтобы стрѣльнули съ пушки—стрѣльнули...

«Разсердилась бунтовавшая Черкесня и начала палить изъ своихъ ружей, а больше всего пускали стрѣлы.

«Все ближе и ближе съѣзжались, все сильнѣе и сильнѣе визжали Черкесы, наконецъ совсѣмъ съѣхались и начали уже шашками и кинжалами дѣйствовать. Тутъ-таки работы было вдоволь нашимъ бѣднякамъ... однако, молодцами. Нашихъ меньше было, а не поддавались, чисто какъ звѣри сцѣпились, и не знаю, чья бы взяла, если бы вдругъ не завизжали сильнѣе, не застонали всѣ разомъ и не разошлись въ разныя стороны.

«Диковинное дѣло, право! Сначала намъ непонятно было, отчего это случилось, а потомъ увидѣли, что старики соскакивали съ лошадей и бѣжали всѣ къ одному мѣсту.

— «Что это значитъ? спросилъ сотенный у одного Черкеса.

— «Несчастье, несчастье! прокричалъ онъ: — нашего князя убили.... дѣло наше пропало.... насъ побѣдили.

— «Отчего же пропало? Теперь стоитъ только всѣмъ намъ броситься на нихъ: посмотри, въ какомъ они беспорядкѣ—дѣло будетъ выиграно.

— «Нѣтъ, у насъ такой законъ, когда убьютъ начальника, такъ значить и дѣло все пропало.

«Аллахъ, Аллахъ!» слышалось отовсюду; кругомъ насъ были Черкесы на разные тоны и слѣзали съ лошадей, прятали стрѣлы въ колчаны и опускали луки.

«Старики—Черкесы, снявши съ себя бурки, постлали на траву и положили на нихъ сильно раненаго князя. Вой такой поднялся надъ нимъ, что хоть съ поля бѣги—хуже всякой перестрѣлки.

«Тогда какъ наши дурни—Черкесы сами себѣ на шею петлю накинули, плакали и визжали, противники ихъ скакали по полю, стрѣляли вверхъ, пускали стрѣлы и радостно кричали.

«Раненый князь скоро умеръ. Говорили, что онъ крѣпко наказывалъ держаться его сыновей и не слушаться Шапсуговъ.

«Шапсуги поѣхали въ противоположную сторону, радостно гичали и стрѣляли.

«Убитыхъ и раненыхъ было много; всѣхъ забрали и повезли по ауламъ.

«Сотенный повелъ насъ къ Кубани, и мы прибыли домой благополучно: у насъ не было ни одного раненаго. Во все время, когда Черкесы дрались, мы стояли въ сторонѣ и только смотрѣли. Князь просилъ, чтобы тогда бросились, когда уже они сами не въ состояніи будутъ отстоять себя. Черкесы—непріатели по насъ не стрѣляли, и мы смотрѣли какъ будто на какую комедію.

«Отъ этого времени начали Черкесы у насъ и скотъ красть; гдѣ встрѣтятъ одного человѣка, то и убить не боялись. Чѣмъ дальше, все хуже становилось. Шапсугскіе и абадзехскіе Черкесы съ того же дня стали намъ врагами, а тѣ, которымъ мы подавали помощь, еще съ годъ были съ нами въ мирѣ. Да какой тутъ миръ, когда не разберешь, кто пакоститъ — свои мирные или чужіе!

«Словомъ, уже и къ нашимъ полу-пріателямъ ѣздить нельзя было, и за лѣсомъ или за чѣмъ нибудь, бывало, отправляются уже не нѣсколько человѣкъ съ телѣгами, а таки порядочный конвой, и безъ того, чтобы не было человѣкъ сколько убитыхъ и раненыхъ, никогда не возвращались.

«Къ тому же, враги наши стали подъ насъ яму копать, такъ что у Бжедуховъ украдутъ или убьютъ кого нибудь, да и сваиваютъ на насъ.

«Терпѣли, терпѣли наши Черкесы, да тоже, помирившись съ врагами, стали имъ пріятелями, а насъ, пріятелей, за враговъ начали почитать. Извѣстно, свой своему поневолѣ братъ. Гдѣ уже добра ждать отъ Черкеса—невѣри!

«Когда кончится эта война, такъ тоже, извѣстно, когда перестрѣляютъ всѣхъ до одного, або построятъ крѣпости да не дадутъ имъ никакого ходу, такъ и разбою не будетъ; а то свобода: извѣстно, куда хочеть, туда и ѣдетъ. А куда лучше и ближе къ намъ, гдѣ и скотинку возьметъ и лошадку поймаетъ, да и отъ человѣка, або бабы, не откажется.

«Вотъ какъ бы и намъ позволено было ходить, когда захочется, въ горы, такъ не довелось бы имъ часто шлаться и оставлять свои сакли пустыми. Только бы этимъ можно было пріучить ихъ сидѣть дома, покуда совсѣмъ бы не забрали...»

Отошелъ я отъ козацкаго костра, хотя видно было, что еще нескоро лягутъ отдыхать разболтавшіеся Черноморцы.

Свѣтъ костровъ замѣтно слабѣлъ, тишина становилась еще замѣтнѣе. Почти стихло; лишь изрѣдка пробѣжитъ какъ бы неясный говоръ, и опять все тихо. Уже наступила вторая половина ночи; но у нѣкоторыхъ костровъ не перестаютъ стоять солдаты и грѣться отъ холода. Иные, снявъ сорочки, жарятъ ихъ надъ пламенемъ, и до слуха проходящаго долетаетъ неясный трескъ или лускъ (*). Кое-гдѣ нѣтъ пламени, разгребенъ жаръ—десятокъ и болѣе солдатъ, плотно стиснувшись, забылись въ тревожномъ снѣ.

Вдали, у противоположнаго конца отряда, у офицерскихъ бивуаковъ, еще горѣли огромные костры. Я направился къ нимъ. Иду, и слышится бредъ соннаго солдата.

— Ахъ, не зам... что ты хочешь, у меня нѣтъ денегъ, говоритъ сонный солдатъ полуохриплымъ голосомъ, быстро поворачиваясь на другую сторону.

— Видно, разбойники приснились, замѣтилъ солдатъ, сидящій на карточкахъ, съ трубкой въ зубахъ.

— Аль родимчикъ прихватилъ. Я съ нимъ въ казармахъ

(*) Конечно, бываемоу въ походахъ и проводившему ночи на бивуакахъ знакомъ способъ, посредствомъ котораго солдаты избавляются докучливыхъ насѣкомыхъ.

вмѣстѣ на нарахъ сплю, такъ всю ночь чепуху городить; да все, братъ, деньги на умѣ: оно, значитъ, что и солдату деньги требуются.

— Чудакъ ты этакой, кому деньги не надобны: вѣдь и то и другое купить надо, а денегъ—то нехватаетъ. Однако, Сомову пора на часы: вишь, полѣно догораетъ. Буди.

— Сомовъ, а Сомовъ!

— Чаво? схватываясь на ноги, вскричалъ полусонный Сомовъ.

— На часы ступай къ козламъ.

— Да, чорта! Ау—хъ, посмотрѣвши на костеръ, пробурчалъ Сомовъ, аукнулъ, крикнулъ и пошелъ къ козламъ смѣнять часоваго (*).

Прошелъ я еще нѣсколько и замѣтилъ, что у одного костра, на который была взвалена горская телѣга, составилъ довольно большой кружокъ и слушалъ съ увлеченіемъ рассказъ одного изъ солдатъ. Я успѣвши приблизиться и, усѣвшись на бревно въ нѣсколькихъ шагахъ отъ солдатскаго костра, услышалъ вотъ какого рода рассказъ:

«Посмотрѣли бы вы на Василія Ѳомина, что за солдатъ онъ былъ, что за удалъ была у него молодецкая, взглядъ орлиный, слово громкое и разумное, на груди крестъ серебряный и рука лѣвая перевязана. Всѣ, кто пожилъ съ нимъ, всѣ, кто знаетъ, такъ и сказываютъ: доброта души ангельская; даже нехристей, и то жаловалъ; малолѣтка, чай, ни единого не убилъ, хотя былъ случай и не разъ... А 'коль бабу или дѣвушку—черкешаночку кто обидитъ въ бою, такъ, бывало, на ножи готовъ... Богомоленъ былъ Василій Ѳомины. Ну, за все это и жалованъ былъ отъ начальства. А послушень, бывало: лишь капралъ отзовись, или десяточный, хоть ефрейторъ, или старый солдатъ, такъ сейчасъ и спѣшить, какъ бы чѣмъ услужить. Въ веселомъ кружкѣ и видно, что грусть у него на душѣ, а тоже смѣется, не хочетъ свою грусть показать.

«Жаль его: скоро насъ онъ оставилъ; а жалѣть и рота объ немъ. Да пусть съ Богомъ живетъ и порадуетъ сердце близкихъ родныхъ. Какъ сталъ уходить онъ отъ насъ, мы всѣ и пристали, что вотъ Расскажи намъ, чего ты такъ часто скучалъ и ночью не спалось, частенько и плакалъ, бывало.

(* Къ составленнымъ въ козла ружьямъ назначается часовой. Чтобы вѣрнѣе опредѣлить время очереди, солдаты зажигаютъ полѣно, и когда оно догоритъ, значитъ наступило время смѣны. Это походные солдатскіе часы.

«— Хорошо, расскажу, коль хотите того, господа-товарищи! сказалъ онъ.

«А ужъ говорилъ-то онъ, братцы, словно съ книги вычитывалъ.

«Жизнь моя», говорилъ Фоминъ такъ, «среди близкихъ родныхъ хорошо проходила. Угождалъ отцу-батюшкѣ и родной моей матушкѣ... Слава Богу, даровалъ Онъ имъ здоровье, наградилъ Онъ и хорошимъ хозяйствомъ. Всего вдоволь было и ни въ чемъ недостатка не видѣлось; а батюшка говорилъ мнѣ не разъ, что и деньгами онъ не обиженъ. А семья наша была: отецъ, мать, старшій братъ съ женою и маленькимъ сыномъ, сестра еще въ дѣвкахъ да я—вотъ и всѣ. Я, бывало, въ уѣздъ за покупками хаживалъ. Отецъ торговалъ *мелкой* лавочкой, а *извозомъ господъ* занимались мы всѣ... такъ что жизнь моя шла отлично...

«Минуло мнѣ 18 лѣтъ. Собрались мы семьей въ церковь сельскую, пришли, поставили свѣчки престольному образу и стали молиться. Обѣдня окончилась, сталъ народъ ко кресту подходить, и я съ ними вмѣстѣ подвигаюсь. Глядь, передо мной идетъ какая-то дѣвушка. Лица-то ея я еще не видалъ, а по наряду-то хорошему и по красивому складу вижу, что незнакомая. Подвинулись мы еще немного за народомъ. Она, на несчастье мое, и обернись, и такъ сразу лицо ея пришлось мнѣ по сердцу, какъ будто я и вѣкъ глядѣлъ на нее, мою ненаглядную, и не день, а годы любилъ ее, мою желанную. Въ глазахъ у меня словно туманъ какой сдѣлался; остановился я и не помню, какъ потомъ подошелъ къ кресту, какъ поцаловалъ руку священника; очнулся я уже на паперти и сталъ поджидать оставшійся народъ, чтобы поглядѣть еще разъ на нее, чтобы разглядѣть поближе незнакую дотогѣ дѣвицу. Стою, ожидаю... проходить народъ...

«— Ну, что ты, Василий, стоишь здѣсь, кого поджидаешь? спросилъ меня товарищъ мой Гаврило.

«— Да такъ, говорю, ничего, и солгалъ: ожидаю, молъ, я дядю Михайла Иваныча...

«— Давно уже вышелъ, говорить мнѣ Гаврило:—пойдемъ. Я къ тебѣ заверну; а потомъ не пройдемся ли къ дядѣ Ивану Кузмичу. Онъ крѣпко наказывалъ мнѣ тебя привести: вѣдь сынъ у него именинникъ.

«— Иди, братъ Гаврило! Сейчасъ за тобой прибѣгу я. Теперь не мѣшай мнѣ.

«— Ну, ладно, сказалъ мнѣ Гаврило и, увидѣвъ другаго товарища, поспѣшно меня оставилъ.

«А я все стою, поджидаю ее, никого и не вижу, какъ будто народъ незнакомый вокругъ меня ходитъ... Идетъ и она, молодая, бѣлокурая, коса тучная, золотистая, очи свѣтло-голубыя, губы словно бусы красныя, что на шеѣ у ней, груди пышныя, роскошныя и сама она такая стройная, разодѣтая вся лентами... Посмотрѣлъ на нее, такъ и чувствую, что люблю. Она мимо идетъ. Ни съ того, ни съ сего уклонилъ ей очень низко; она мнѣ слегка головкой кивнула... Закраснѣлася, а я, просто, весь растерялся и побрелъ домой, опустивши голову.

«— Что, Василій, такъ пригорюнился? догоняя, спросила меня сестра моя Марea.

«— Вотъ мнѣ горе приключилося: увидаль я красную дѣвицу, и ужъ такъ мнѣ по сердцу пришлась, что, сдается, и жить безъ нея не съумѣю...

«— Покажи, гдѣ она.

«— Вонъ идетъ, погляди: на ней больше всѣхъ лентъ...

«— Знаю. Это дяди Ивана Кузмича племянница; она изъ Грязнушенскихъ мѣстъ пріѣхала. Я вчера еще съ нею видѣлась.

«Не дослушавъ послѣднихъ словъ сестры, побѣжалъ я къ Ивану Кузмичу, сломя голову.

«Сердце такъ вотъ и выпрыгнетъ, кажется; а какъ подошелъ къ избѣ, такъ страхъ одолѣлъ. Право, не придумаю, отчего бы. Такъ и порывало меня повернуть домой; да желаніе повидать ее пересилило, и вошелъ я во дворъ.

«Много народу было; но глаза все искали избранную. Хожу я помежду людей да разсматриваю: глядь, она сидитъ, подлѣ нея на скамейкѣ Гаврило и что-то нашептываетъ. Выиграло мое ретивое: такъ бы, кажется, схватилъ я Гаврилу и Богъ знаетъ что съ нимъ сдѣлалъ. Въ горячахъ и забылъ, что родня онъ ей приходился.

«Подхожу къ кружку, гдѣ все дѣвушки, душа замерла, лихородка бьетъ...

«— Василій! а, Василій! что ты сталъ? Ну, иди сюда поскорѣй, погляди, вѣдь не вѣрится Прасковья, что она краше всѣхъ изъ грязнушенскихъ.

«Словно холодомъ меня обдало, слова нѣтъ, будто нѣмъ я сталъ, сердце сжалося, а изъ глазъ моихъ слеза такъ и просится.

И молчу, стою да гляжу на Прасковью, а она посмотрѣла вокругъ, а потомъ на меня, да ужь такъ зарумянилась, что какъ будто предъ огнемъ засидѣлася. И мнѣ стало повольнѣй, отъ души отлегло и въ очахъ посвѣтлѣло: знать, она, такъ подумалъ я, отъ меня покраснѣла, смѣшалась и глаза къ землѣ опустила. Страхъ пропалъ и языкъ развязался, и началъ я гутарить.

«— Пусть посмотритъ Прасковья кругомъ, а потомъ наберетъ воды въ мисочку да въ нее поглядитъ, такъ увидитъ, правду ль ты сказалъ ей Гаврило, аль нѣтъ.

«Тутъ Прасковья моя такъ зарумянилась, что и шея и руки алой краской взялись...

«Да чтó долго толковать! полюбилъ я Прасковью, и она меня полюбила, и потомъ въ саду дяди Ивана Кузмича сколько разъ мы видались.

Три недѣли спустя я поѣхалъ по селамъ закупать для отца шерсть и заѣхалъ въ Грязную. У отца Прасковьи овецъ было вдоволь, потому прямо во дворъ къ нему завернулъ и былъ принять тамъ какъ родной и какъ гость дорогой. Блестѣли очи у Прасковьи отъ сердечной радости.

«Пообѣдали. Старикъ шерсть показалъ, сторговались, и задатки я далъ. Ночевать попросили меня—я остался. Вечеромъ, уже солнце спряталось, я и вышелъ въ садъ, подъ деревомъ сѣлъ... Эхъ, когда бы Прасковья пришла! такъ подумалъ. Слышу, сзади меня сучья треснули, оглянулся, и вижу—она...

«— Вотъ легка на поминѣ Прасковья, сказалъ я, обнимаяе:— потѣшила душу мою... Съ тѣхъ поръ, какъ видались съ тобой мы въ послѣдній разъ въ саду Кузмича, истомился я весь, о тебѣ такъ кручиюсь, родная...

«— Охъ, мой милый Василій, еслибъ зналъ ты, какъ у меня ноетъ сердце; безъ тебя и свѣтъ мнѣ не милъ.

«— Чтó тоскуешь ты и печалишься? Скоро буду просить батюшку сватовъ посылать, и тогда будемъ жить мы въ счастья, радости, а теперъ не кручинься ненаглядная, моя милая!

«Толковали съ ней, гдѣ и какъ намъ можно видѣться, порѣшили все и попрощались... Уже смерклося, какъ мы во дворъ вошли.

«На другой день, лишь на зорьку свело, какъ я выѣхалъ, еще разъ съ нею свидѣвшись.

«Страшно было мнѣ сказать батюшкѣ, что люблю я Прасковью, хоть осень на дворѣ была. Слово, данное ей, и хотѣлось

исполнить, да боязнь сказать родителю, что люблю я уже дѣвицу, своимъ сердцемъ прежде выбранную, чѣмъ то батюшкѣ самому порѣшить слѣдовало, удерживала меня.

«Утромъ, разъ кличетъ батюшка:

«— А что, сынъ мой Василій, такъ сказалъ онъ мнѣ: — я думаю, не пора ли тебѣ и невѣсту выбирать? У меня на примѣтѣ есть, и дѣвка хозяйка, отъ хорошаго отца и матери, молода; чай, хозяйства и денегъ дадутъ...

«Словно громъ разразился, такъ я грохнулся передъ батюшкой на колѣни. Голову приклонилъ я къ его ногамъ, цѣловалъ ихъ, плакалъ; говорить хотѣлъ — слова не было. Такъ печально мнѣ стало и тяжело, что не дай Богъ моему врагу претерпѣть, что я вынесъ тогда.

«— Что съ тобой? Что ты плачешь? Вѣдь я счастья желаю тебѣ и пристроить скорѣе. Такихъ дѣвокъ вѣдь, чай, со свѣчей не найдешь, какъ теперь я избралъ для тебя.

«— Батюшка!...

«Только вымолвить могъ, а потомъ приподнялся да и грохнулся объ полъ въ ноги къ отцу... Только Богъ одинъ зналъ, что творилось со мной, а ужъ мучился крѣпко. Хотѣлъ рѣчь я держать, чтобы несчастнымъ не сдѣлалъ меня, что люблю я другую, что рѣшился умереть, но любя только лишь одну. Праксковию.... Такъ валяюсь въ ногахъ у отца; онъ допрашиваетъ, что со мной приключилось, а я вымолвить слово боюсь....

— «Да послушай, Василій, встань да дѣло скажи, что не хочешь, можетъ быть, ты жениться? можетъ быть, въ счастье не вѣришь, что скоро приходится тебѣ на хозяйство отдѣльное стать?... Что жъ молчишь?... говори!...

— «За кого меня сватать желаешь, драгоценный родитель?

— «А зачѣмъ тебѣ знать, такъ сказалъ мнѣ отецъ:—ты пойдеши подъ вѣнецъ, такъ увидишь: вѣдь тайкомъ не вѣнчаютъ.

— «Батюшка! да скажи же...

— «Ну, коль хочется знать, изволь, расскажу. Былъ на дняхъ я у Грязнушенскихъ селъ, повидался тамъ съ Петромъ Федоровичемъ, съ Кузмичемъ и съ Лукою Тимоеенчемъ, покалякали о разныхъ случаяхъ; подвернулася рѣчь о торгахъ, о продажахъ и сбытахъ. Вотъ Лукъ Тимоеенчу я и сказалъ, что, другъ Тимоеенчъ, я хочу посылать за товаромъ къ тебѣ, такъ какъ думаешь? а купецъ у меня вѣдь лихой молодецъ; твой товарищъ тоже не худъ, такъ давай порѣшимъ.... Дѣло сладили, порѣши-

ли все; могоаричъ запитъ.... И значить твоя нарѣченная невѣста дочь его Прасковья Лукинишна....

«Одурѣлъ я отъ неожиданнаго счастья, сталъ дѣло торопить; послали сватовъ; назначили день, когда свадьбѣ быть; кафтанъ сшили мнѣ такой, что и въ цѣломъ селѣ у ребятъ не было. Все готово, только въ церковь иди....

«По утру, въ четвертокъ, приходитъ указъ брата въ рекруты брать. У него же двое дѣтеночекъ малолѣтокъ и жена молодая.... Не до свадьбы было—пересилило горе. Дома плачь такой поднялся, что хоть вонъ бѣги.... Мать да невѣстка своими горемъ и слезами душу мнѣ совсѣмъ растравили. А родитель-старикъ хнычетъ, сидя въ углу, потихоньку.

«Этотъ тихій плачь сердце такъ защемилъ, что не знаю, какъ я не рехнулся.... Бѣгу вонъ съ избы, не въ мочь становилось; съ братомъ встрѣтился.... А братъ блѣдный такой, глаза впалые и лица нѣтъ на немъ, идетъ противъ меня—не здороваётся, какъ бы я ему и не братъ.... Вижу, плохъ, и до губернии не дойдетъ. Чтò тутъ дѣлать? А тутъ представились мнѣ дѣти и жена его молодая, которыя остаются сиротами, и участь ихъ бѣдная сиротская. Еще пуще тяжко стало на сердце, и, не думая, рѣшился я отворотить отъ брата бѣду и идти за него въ рекруты.

«Не въ мочь стало мнѣ родное горе, и, все думаячи, побрелъ за околицу; не помню, какъ очутился въ лѣсу, гдѣ мальчишкой игралъ вмѣстѣ съ братомъ моимъ. Вспомянулъ его ласки ко мнѣ, вспомянулъ, какъ за меня онъ работалъ сохой, уложивши меня подъ березы спать.... А потомъ не значай посмотрѣлъ на рѣку, чтò за лѣсомъ была.... поглядѣлъ на нее больно пристально.... зарыдалъ, зарыдалъ, какъ дѣтенышъ, вспоминаячи, какъ, купаясь, тонулъ и какъ вытащилъ братъ изъ рѣки меня почти мертваго.... Руки къ Богу поднялъ, застоналъ и рѣшилъ судьбу свою горестную и поклялся служить съ правдой вѣрѣ, царю и отчизнѣ....

«Только къ вечеру вернулся домой, твердо рѣшившись быть солдатомъ за брата.

«Всю ночь я не спалъ. Какъ искорки, звѣздочки бѣгали по небу и мѣсяцъ свѣтилъ между ими.... Смотрю на одну потемнѣе звѣзду и думаю, что долго ль придется мнѣ дома остаться.... Скатилась.... Слеза побѣжала. Я взялъ, сталъ креститься—прошло, какъ будто заснулъ, и привидѣлся чудный мнѣ сонъ....

«Рыданье и плачь всей семьи какъ будто хоронить меня со-

бирались.... Потомъ, я солдатомъ въ мундирѣ, съ ружьемъ, далеко отъ родной земли, и много солдатъ всѣ идутъ—и какъ-то весело, радостно стало.... Начали стучать барабаны, затрубили въ рога, пальба началась такая, что свѣтлое солнце отъ дыму закрылось.... Одинъ, вотъ другой мой товарищъ упали, и кровь я завидѣлъ; вдругъ больно мнѣ стало, и кровь заструилась съ плеча моего.... Тутъ явилась моя Прасковья и бѣлымъ платкомъ связала мнѣ рану: кровь перестала бѣжать.... Опять въ родной я избѣ; отецъ и родные всѣ тутъ же со мною, и братъ, и сестра, племянники маленькіе бѣгають.... Всѣ радуются, что я возвратился....

«Крикъ и шумъ во дворѣ разбудили меня.... То бабы родныя голосили обратѣ. Пришлось проводить его. Пришелъ старшина.

«Схватился, вошелъ я въ избу. Родитель какъ мертвый сидитъ и глядитъ на Терентія; а тотъ, обнявшись съ женою и матерью, какъ бы околѣлъ отъ горя....

«Не выдержалъ я, зарыдалъ, крестъ положилъ на себя и упалъ батюшкѣ въ ноги.

— «Батюшка родной! не женать еще я, позволь, родитель, пойду за брата въ солдаты.

«Отецъ меня обнимаетъ, цѣлуетъ, и матушка, слезно рыдая, схватила меня, обняла и въ голосъ одинъ говорятъ, что равно имъ родное дитя какъ я, такъ и Терентій.... Какъ ни отговаривали, но я ни на шагъ—говорю, рѣшено: такъ Богу угодно, мнѣ лучше невѣсту покинуть, чѣмъ брату, жену и дѣтей осиротить.

«Братъ, со слезами, уговаривать стала, что онъ по наряду, такъ долженъ идти, во что бы то ни стало.

— «Да развѣ ты не родное наше дѣтище? Развѣ тебя меньше жаль будетъ? говорили мнѣ въ одинъ голосъ отецъ съ матерью.

«Но, долго ли, скоро ли, я настоялъ на своемъ, и рѣшились меня поставить за брата.

«Собрали въ дорогу. Нужно было проститься съ Прасковьей — я отправился.

«Слезы ея до того меня доводили, что чуть не рѣшилъ я отказать: да ужъ поздно было....

— «Послушай, Прасковья, душа дорогая, не плачь, не кручинься: мнѣ Богъ поможетъ; увидишь, что скоро домой возвращусь. Тогда заживемъ на славу. Жди меня годовъ черезъ три. Если жъ Богу не будетъ угодно возвратитъ меня подъ кровь ро-

димый, если не приду я въ урочное время, забудь Василья, выходи замужъ за другаго. Или нѣтъ! вотъ что Прасковья: нищи себѣ друга другаго сейчасъ же, прошу я тебя. Не дѣло говорю я, съ горя болтаю: придется мнѣ служить годовъ 20, а можетъ 25. Гдѣ тамъ ждать! Такъ, сдѣлай ты милость: меня позабуди.

— «Напрасно меня обижаешь, Василій: коль сердце свое отдала я тебѣ, такъ другаго любить не смогу, и если, Богъ дастъ, доживу до того, что свидимся, такъ застанешь меня старухою въ дѣвкахъ.

«Воротился домой. Какъ повезли меня, какъ были въ присутствіи, не помню. Очнулся лишь на службѣ царской.

«Какъ годъ провелъ я въ резервахъ, не буду рассказывать: всѣмъ извѣстно, куда привыкнешь, очень скучно.

«Начали насъ назначать по полкамъ, и меня отправили въ Черноморскій линейный баталіонъ. Пришелъ, ознакомился; ребята, друзья дорогіе меня окружили. Спасибо за все: не обиженъ былъ ими.

«Уже не разъ мнѣ случалось побывать и въ походахъ и видѣть Татаръ, стрѣлять и колоться, хоть времени и мало прошло: всего одинъ годъ.

«Одинъ разъ, вечеромъ, приказано намъ было получить сухарный провіантъ на себя дней на пять и утромъ въ походъ выступать. Смазали ружья, получили патроны, пооббили кремень, осмотрѣли сапоги, шаровары—все цѣло; полушубчикъ залатанъ, и, уложивши въ торбочку все съѣстное да одну на всякій случай сорочку — вотъ и совсѣмъ готовъ.

«Къ утру, когда еще зорька не встала, а мы всѣ, пообѣдавши, ждемъ приказанья, готовые къ походу, «ступай, выходи!» раздалось въ казармѣ. Мы всѣ вдругъ схватились и ружья давай разбирать... суматоха! Вотъ вышли, построились въ ротныя, и повели насъ.

«На первый день такъ, ничего, обошлось, и мало стрѣлять приходилось, лишь ночью холодную пришлось пролежать мнѣ въ секретѣ, а рано до зорьки мы выпили водки, поѣли кашички, отрядъ поднялся, и немного прошли мы, какъ вдругъ открылась перестрѣлка. Узнали, что горцы, засѣвъ за завалы изъ толстыхъ деревьевъ, наложенныхъ черезъ дорогу, открыли пальбу по цѣпи авангардной. «Охотниковъ требуютъ», кто-то сказалъ, «идти на завалы». Перекрестился, и, когда командиръ охотниковъ

вызвалъ, я вышелъ изъ первыхъ. Пошли мы. Было насъ чело-
вѣкъ пятьдесятъ—не болѣе—шли дружно.... Передъ нами го-
ра и дорожка но ней.

«Круча была большая: поползли по сторонамъ тропинки межъ
кустами. Трудно было: колючка и камни руки рѣжутъ, а об-
рывъ, поглядишь — въ головѣ закружится; оступись, такъ
костей не сочтешь: такъ глубоки овраги.

«Подошли мы поближе—слышенъ говоръ, смѣются враги, не
смышляя, что солдатъ русскій тутъ въ десяти шагахъ и готовъ
уже броситься, да прилежъ отдохнуть, какъ приказано было: до
перваго выстрѣла — смирно. А мы такъ зашли къ нимъ съ ты-
ла, что несчастные совсѣмъ не слышали.

«Вдругъ нашъ офицеръ закричалъ «ура!» и мы кинулись....
Заблестало въ глазахъ, зазвенѣло въ ухахъ, въ головѣ закру-
жилось. Полилась кровь черезъ край. Крики наши «ура!» и
черкесскіе «ги» такъ какъ будто одно составляли.... Вдругъ
вижу я, поручикъ, а съ нимъ и солдатовъ челоуѣка четыре от-
бились: того и гляди, что въ плѣнъ попадутся.

— «Ребята, закричалъ я:—скорѣе сюдакъ его благородію!...

«Выручили....

«Долго дрались мы, дрались такъ, что дай Богъ, чтобы всег-
да вамъ всѣмъ драться такъ приходилось.... Вотъ еще одинъ
разъ сошлись мы, кровь мнѣ брызнула въ лицо, и бросился пу-
ше драться. Тутъ ранили меня въ руку, а въ груди заболѣло,
что-то потомъ голова у меня закружилась, потемнѣло въ гла-
захъ; я упалъ.

Поглядѣлъ я вокругъ — что-то странное, право; въ избѣ я
или гдѣ, не пойму ничего; а потомъ опять я заснулъ.... Снилось
ли, или точно то было, не знаю, только видѣлъ я, какъ старуш-
ка мнѣ какъ будто дѣлала больно и вязала меня; а потомъ такъ
хорошо и свѣжо было мнѣ.

«Смотрю: кажется, точно изба, только темно что-то. Тутъ ста-
руха сидитъ и другіе вдали говорятъ,—не пойму, что такое....
А внизу на землѣ огонекъ горитъ, только плохо совсѣмъ.

«Вдругъ одинъ изъ сидѣвшихъ взялъ рукой головню, припод-
нялъ и подбросилъ дровъ: пламя вспыхнуло, освѣтило все....
Сакля и черкесы кругомъ, — значигъ, я въ плѣну. Грустно ста-
ло мнѣ, заплакалъ я, такъ горько, такъ крѣпко, что старуха,
бывшая въ саклѣ, подошла ко мнѣ, зажгла лучину, посмотрѣла
въ лицо и, обращаясь къ другимъ, замолвила, видно, за меня доб-

рое словечко, потому что всѣ подошли ко мнѣ, покачали головой, совсѣмъ не такъ страшно и злобно смотрѣли, какъ разсказываютъ наши молодцы, побывавши у нихъ въ плѣну.

«Полюбили меня черкесы за мой кроткій нравъ и, увидя, что рука моя лѣвая не работница, ничего мнѣ не приказывали и во всемъ даже мнѣ помогали. Тутъ увидѣлъ я, что простился съ рукой навсегда, повело, покоробило всего; но черкесы сростили мнѣ руку. Только пуля въ груди больно мучила и не давала мнѣ вздохнуть свободно

«Недѣли три, и мѣсяць прошелъ — я поправился, силы ко мнѣ возвратились; только руку вотъ совсѣмъ отняло.

«Началъ думать я, какъ бы мнѣ домой къ нашимъ въ лагерь попасть, и придумалъ такъ: что какъ лягутъ спать всѣ, встать да прямо и иди себѣ до дому.

«За мной даже не смотрѣлъ никто. Ночью выступилъ я, взявъ съ собою три лепешки въ дорогу. Прошелъ съ версту; немного еще пришлось по рѣченькѣ брести, потомъ подъ горою спустился въ лѣсокъ, гдѣ утро настигло меня. Забравшись въ кусты, легъ отдохнуть, версть семнадцать прошелъ, а не зналъ, куда навѣрно мнѣ слѣдовать; отъ усталости заснулъ я.... Пробудился отъ пальбы съ пушекъ и ружей.... схватился, смотрю изъ кустовъ и вижу нашъ отрядъ.

«Кустами, оврагами прошелъ я такъ счастливо, что въ отрядъ попалъ. Ошиблись въ цѣпи: думали, ловятъ Черкеса, схватили меня, повели подъ карауломъ къ начальнику отряда. Тамъ я все разсказалъ, и отправили меня въ свой баталіонъ, гдѣ меня на довольствіе оставили въ третьей ротѣ; командиръ роты былъ тотъ поручикъ, что съ нами ходилъ на завалы.

— «Здравствуй, другъ, здравствуй, братъ Фоминъ! Какъ, какими судьбами ты бѣжалъ, а еще страннѣй — ты живъ....»

Говоря это, поручикъ цѣловалъ меня. Разсказалъ его благородію, какъ очнулся, какъ смотрѣли за мной, что, соскучась за родиной, я бѣжалъ, хотя пользы теперь приносить не могу Царю Батюшкѣ и родному своему отечеству.

«Посмотрѣлъ онъ на руку мнѣ, покачалъ головой.

— «Молодъ, жаль, говорить.

— Чтò же дѣлать, ваше благородіе! Жалѣть нечего, что пошло для пользы другимъ. Я и жизнию готовъ жертвовать....

«Поручикъ взялъ меня и повелъ къ баталіонному командиру: тотъ спасибо сказалъ и мнѣ чистую отставку велѣлъ ожидать.

— «За храбрость твою и спасеніе командира будешь ты кавалеромъ св. Георгія.

«Такъ обрадовалъ добрымъ словомъ меня нашъ полковникъ.

«Каждый день съ того часу у поручика-благодѣтеля я бывалъ. Онъ меня чаемъ паивалъ и какъ съ другомъ своимъ, какъ бы съ равнымъ обходился со мной. Просто, такъ не повѣрите, первый разъ не зналъ, какъ садиться съ его благородіемъ рядомъ, а потомъ попривыкъ.

— «Ты мнѣ другъ, говорилъ поручикъ: — бывало, много встрѣчу людей, а такого, какъ ты, видно, ужъ больше не видать. Ты мнѣ жизнь спасъ, такъ помни, другъ мой Василій, что, когда бы и гдѣ бы ни былъ и въ чемъ будешь нуждаться, проси, и послѣднимъ съ тобой подѣлюсь я.

«Получилъ я крестъ, и отставка пришла. Вотъ въ рукахъ у меня, да больно разстаться мнѣ, други-товарищи, съ вами: еще другой годъ въ баталіонѣ этомъ я, но крѣпко привыкъ къ вамъ. Хотѣлось бы послужить; да, видно, ужъ такъ на роду мнѣ написано.

«Сонъ снился, товарищи, правдивый, что быть мнѣ на службѣ, въ походахъ, быть ранену крѣпко, домой возвратиться; вотъ только, товарищи, не знаю, приду ли домой, да еще жива и не вышла ли замужъ моя Прасковья; а трехъ лѣтъ еще нѣтъ, такъ, можетъ быть, вправду Богъ всемогущій еще счастьемъ надѣлать!»

Замолкъ разскащикъ. На лицахъ солдатъ выразились недоразумѣніе и неудовольствіе....

— Что же, только и будетъ? а дальше ничего неизвѣстно, что сталося съ нимъ? сказалъ одинъ изъ солдатъ.

— Ужъ и не говорилъ бы, сказалъ другой.

— Нѣтъ, братецъ, передъ походомъ его дядько Климъ Герасимовъ письмо получилъ отъ него и два рубля денегъ, и пишетъ онъ, что все засталъ дома въ надлежащемъ видѣ, и Парасковья жива и за него замужъ пошла... Видите, ожидала его... порядочная дѣвка... и что Богъ сына далъ... такой баловникъ, пишетъ, вонъ ужъ скоро годъ ему.... Пишетъ, что я, говорить, готовлю изъ него солдата и теперь одной рукой таскаю мальчишку и приучаю къ службѣ и, говорить, что во всемъ счастьи и довольствіи живетъ....

— Такъ всегда, сказалъ старичокъ-солдатъ: — доброму и Богъ помогаетъ.... За брата пошелъ и себѣ и всему семейству

добро сдѣлалъ.... Что рука не дѣйствуетъ — ничего, за то черезъ три года кавалеромъ домой воротился....

Выслушавъ разсказъ о Васильѣ Фоминѣ, я съ трудомъ пробирался между грудами натасканнаго въ кучи горскаго имущества, направляясь къ широкому пламени офицерскаго костра.

Не доходя шаговъ двадцати къ костру, кругомъ котораго сидятъ и стоятъ офицеры, я остановился. Между ними шелъ самый жаркій споръ. Вслушиваюсь: сравнивается настоящее и прошедшее положеніе кавказской войны. Споры въ самомъ разгарѣ....

— Никакого сравненія, никакого сравненія, довольно громко кричалъ одинъ:—теперь вы не увидите тѣхъ ужасовъ, какіе происходили прежде....

— Да, до перваго дѣла....

— Выслушайте меня, я только разскажу случай, который разыгрывался передъ моими глазами, сказалъ довольно пожилыхъ лѣтъ мужчина:—выслушайте, и вы убѣдитесь въ справедливости моихъ словъ.

— Говорите, мы слушаемъ....

— «Лѣтъ двадцать и даже немного болѣе, было одно дѣло,— дѣло такое, которое и теперь, какъ тогда, одинаково свѣжо въ моей памяти, и до сихъ поръ я страдаю, вспоминая о немъ. Назначенъ былъ набѣгъ въ горы; вечеромъ отрядъ выступилъ, и за часъ до разсвѣта мы лежали подъ плетнями аула, жители котораго безпечно спали.

«Передъ выступленіемъ не только отдавалось письменное приказаніе, чтобы при занятіи аула щадить жизнь стариковъ, дѣтей, женщинъ и вообще всѣхъ, кто не можетъ владѣть оружіемъ, но еще начальникъ отряда просилъ всѣхъ частныхъ начальниковъ, офицеровъ и даже солдатъ какъ можно заботиться о томъ, чтобы меньше проливалось невинной крови.

«Кажется, все было соблюдено; а когда отрядъ расположился подъ плетнями аула, то генералъ и отрядный адъютантъ, обходя ряды, шопотомъ повторяли тѣ же приказанія. Разсвѣло.... Несчастные обитатели аула узнали о своемъ безвыходномъ положеніи.

«Крики ужаса раздались отвсюду, раздирающей душу плачь женщинъ и дѣтей, воинскіе крики молодыхъ джигитовъ, рѣшившихся умереть, защищая свою общину — все это слилось въ одинъ звукъ, — звукъ до того ужасный, до того грустный,

что я готовъ былъ бѣжать съ поля тайнаго набѣга, гдѣ приходилось драться не съ однимъ мужчиной, но съ женщинами, дѣтьми. Ужасно!... Нѣсколько выстрѣловъ, и закипѣлъ бой.

«Сначала ошеломленные горцы, захвативъ оружіе, выскакивали, иные совершенно нагіе. Женщины, съ распущенными косами, какъ сумасшедшія, бѣгали по дворамъ.

«Горцы видѣли, что единственное спасеніе—это силѣ противопоставить силу; но какъ они этого сдѣлать не могли, то рѣшились умереть, защищая родныя пепелища.

«Драка распространилась по всему аулу. Рѣзня была страшная. Каждый шагъ нашъ обливался кровью. Горцы дрались болѣе, чѣмъ отчаянно. Несмотря на то, что мы превосходили немнѣе, чѣмъ въ десять разъ, долго не замѣтно было, на чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ. Старъ и младъ, ухвативъ что попало, спѣшили на общую схватку. Сила восторжествовала. Не только мужчинъ, но женщинъ кололи. Кровь лилась повсюду. Женщины, видя погибель своихъ мужей, искали покровительства и защиты у побѣдителей; но разъяренные воины забывали лучшую добродѣтель свою и не всегда давали пощады просящимъ ее.

«Мнѣ очень живо рисуется картина, когда, упавши на колѣни, съ младенцемъ на рукахъ, блѣдная, съ распущенными волосами, едва прикрытая, молодая, красивая Черкешенка умоляла о защитѣ у поручика Э....скаго.

«Но пройдемъ молчаніемъ многое. Вы не повѣрите тому, что я видѣлъ... Когда я вспоминаю это дѣло, у меня волосъ становится дыбомъ; я даже не вѣрю самъ себѣ, что былъ свидѣтелемъ чего нибудь подобнаго. Не вѣрится; но, къ несчастью, это было... Одно лишь воспоминаніе приводитъ меня въ дрожь и бьетъ лихорадка. А что же было еще прежде.

«Къ счастью, теперь совершенно прошла пора невзгодъ, теперь уже и тѣни нѣтъ того, что было, когда я еще былъ въ вашихъ лѣтахъ, господа...»

— Да у насъ, слава Богу, этого не бываетъ, замѣтилъ молодой офицеръ:—но все-таки, я думаю, слѣды прошедшаго не изгладились въ памяти горцевъ, и если съ нашей стороны, по возможности, уничтожается эта вражда, горцы иногда дѣлаютъ страшныя вещи... Я расскажу вамъ случай, не менѣе впечатлительный, какъ и вашъ. Вотъ онъ:

«Разъ на зарѣ, когда станица погружена была...»

«Тревога! тревога!» раздалось со всѣхъ концовъ полусоннаго отряда. Поднялась перестрѣлка, забилъ барабанъ, съ громомъ полетѣло нѣсколько гранатъ, застучала картечь по деревьямъ. Освѣтилась полоса отъ пущеннаго свистящаго ядра; вдали очертились тѣни горцевъ, собравшихся толпою и готовыхъ къ нападенію. Опять темно вдали; лишь отъ выстрѣловъ горскихъ мелькаютъ въ темнотѣ огоньки. Солдаты встрепенулись, ружья въ рукахъ, и всѣ готовы въ бой. Рѣзко звучать горскіе гики, наводятъ грусть. Офицеры были на своихъ мѣстахъ.

«Затихла перестрѣлка. Бивуакъ отряда водворился по прежнему; но уже не сходились офицеры, и только что начатый разговоръ, вѣроятно, намъ придется дослушать въ другой разъ.

Отрядъ, потревоженный тревогой, уже не ложился спать. Хотя до разсвѣта оставалось еще довольно времени, но готовилась каша, кипѣла вода въ самоварахъ, нагрѣвались чайники.

Солдаты опять смѣются, опять весело звучитъ русская пѣсня, чай пьется, кашу ѣдятъ; прошло еще полчаса, затарахтѣлъ барабанъ у ставки отряднаго начальника, повѣстка подхвачена въ различныхъ мѣстахъ отряда. Укладываются вещи офицерскія, тащатъ ротные котлы. Огонь костровъ и пламя горящаго аула, сливаясь, представляютъ одну массу огня. У пламени грѣются промерзшіе въ секретѣ и цѣпяхъ солдаты. Пожаръ увеличивается ежеминутно; смѣшанный говоръ сливается съ трескомъ горящихъ и падающихъ бревенъ. Барабаны еще разъ загремѣли, зазвучали трубы; раздаются приказанія начальниковъ, и ротные колонны отряда двинулись за командирами. Задрезжалъ обозъ по замерзшей дорогѣ и началъ вытягиваться въ одну линію.

Вышедшія за аулъ роты, назначенныя въ авангардъ, простояли съ полчаса; ротные командиры приказываютъ составить ружья. Становится холодно; опять раскладываются костры, и долго еще не раздается сигналъ для общаго движенія всей колонны.

Но вотъ поданъ наконецъ сигналъ.

Отрядъ двинулся.

ПЕТРЪ АНДРІЕВИЧЪ.

С.-Петербургъ,
8-го сентября 1859 г.